

I

Молот Божий

Призвание

Острый, звенящий звук разнёсся над гулом голосов в задымленной комнате. Это настоятель чокнулся своим бокалом с бокалом капитана. Он поднёс его к губам, но на полпути остановился и привстал из своего белого кресла.

— Джентльмены! — он протянул бокал в сторону карточного стола в ближайшем углу комнаты, где сидели господа из Ексты, Салеби и Брокшолма. — Друзья мои!, — другая его рука описала элегантную дугу, объявляющую епархиальное духовенство, сосредоточенное в маленьких группах по всей комнате. — Приглашаю всех вас присоединиться к нашему тосту за героев Сикайоки и Револакса.

Др. Савоний, молодой викарий, внимательно посмотрел на своего начальника, а затем с явной симпатией окинул взглядом комнату. Удивительно — думал он, — что в этом уютном старом доме священника может собраться столько знатных и культурных людей. Он вспоминал о том, как паковал свои книги в последний Адвент, отобрав лишь нескольких авторов — главным образом поэтов эпохи Густавианства, — собираясь взять их с собой в своё изгнание, поскольку по окончании Университета ему предстояло вернуться домой для рукоположения. Он помнил о том, с какой печалью его пальцы сжимали элитное издание Кьеллгрена и как он думал при этом: «Теперь тебе предстоит утешать меня в моём одиночестве». Однако правда состояла в том, что в его первом назначении одиночеством даже не пахло. Резиденцию настоятеля в Одесью можно было назвать чем угодно, но никак не местом изгнания. Пожилой настоятель был изысканным и умным человеком, возможно, капельку консервативным и затрону-

тым каплей ортодоксии в своём составе, но всё же жить с ним было очень приятно. Прихожане очень уважали его как своего духовного отца, а он проявлял такой же живой интерес ко всем их проблемам, будь то катехизация в домах, древние приходские предания, выращивание картофеля или мировая политика. У него была превосходная внешность, когда он встал, прямой и стройный, как жезл, подняв лоб, и чувствуя достоинство в своём строгом подбородке. Он был гордостью своего класса. Савоний с удовольствием заметил, что капитан из поместья, которого, в конце концов, признавали первым человеком в приходской знати, по сравнению с настоятелем выглядел, мягко выражаясь, невзрачно, а его весёлое, но немного обрюзгшее лицо глубоко тонуло между эполетами его большого воротника. О том, у кого из них более боевой вид, не стоило и спорить. Также не возникало никаких вопросов о том, кого именно из этих двоих предпочитали слушать на приходских собраниях.

Савоний продолжал наблюдать за ним. Последний лучик вечернего солнца пробивался сквозь покрытые листьями кроны лип. Он игриво танцевал между кольцами дыма в комнате и тепло отражался на потолке, отчего по белым доскам скользили мелкие отблески, издав далеко напоминающие рябь на зеркальной глади воды. По жемчужно-серым обоям в самом дальнем конце комнаты, придавая рельефность узору, двигались маленькие точки света, сияя в тёмном углу так, что жёлтые розы на краях рисунка выступали в своём вычурном изяществе.

Поперёк комнаты, между двумя окнами на длинной стене, стояло пианино с чёрными и белыми клавишами и прямыми, рифлёными ножками. Ещё проглядывала скрипка. Там, где собрались молодые люди, был целый яркий букет многоцветных торжественных одеяний. Савоний заметил там молодёжь из семейства самого настоятеля, девушек из дома капитана, а среди них Бабетту и ещё нескольких, которых он не узнавал. Они просматривали музыкальные произведения и о чём-то шептались. Если бы они только осмелились попросить настоятеля уйти с гостями в гостиную, чтобы в комнате можно было танцевать, то здесь как раз был Иоанн-Кристофер, который вернулся домой из колледжа со своей скрипкой и последними гавотами в портфеле.

В комнате, мелкими разбросанными группками сидели и стояли пасторы. Там был Хаверман из Няса, высокий и сильный, крепко

сжимающий свою длинную трубку. А вот Ниландер и Варбек, и целое собрание викариев из области. Многие из них выглядели удивительно молодо. Некоторые из них ещё не были назначены в приходы. В целом, они были одеты не без вкуса. Единственными, кто портили в целом благоприятное впечатление, были Рутфельдт и Линдер. Рутфельдт был безнадёжной деревенщиной: рукава его пиджака были испачканы нюхательным табаком, кожаные сапоги все в трещинах, а вокруг его полной персоны витал неописуемый и стойкий дух кислой капусты. Ему лучше было бы оставаться в задней комнате, где обедали управитель хозяйством и извозчики. А Линдер был тёмный, как Савонарола. У него был определённый огонёк в манерах, однако это был огонь, который терял свою яркость, как костёр на солнечном свете в тот момент, когда блестящие учёные из Упсалы начинали блистать своими цитатами и остротами.

Вслед за выпитым тостом последовала непременно минута молчания. Её нарушали лишь шмель, бившийся о потолок, и скрипение кресла. Кто-то ощущал лёгкое облако грусти, пробивающееся сквозь солнечный свет и тяжёлый зной. Тень войны на Востоке, о которой все почти забыли из-за праздничного настроения, вновь выглянула из своего угла, принося с собой трагические зимние воспоминания.

Савоний ощущал лёгкую слабость. Его руки безвольно сжимались, а кончики пальцев онемели. Похоже, он снова немного перебрал. Следующий звук, который он услышал, доносился, похоже, издалека.

Дверь прихожей открылась. В тёмном коридоре стоял крестьянин. На нём были побелевшие от пыли сапоги, а в своих грубых руках со сломанными ногтями он нервно сжимал широкополую шляпу. Его стук в дверь был заглушён голосами компании, однако, в конце концов, он всё же отважился войти внутрь. Теперь он стоял там, неловко озираясь и пытаясь побороть своё замешательство.

— Кого вы ищете? — спросил настоятель. К тому времени в комнате было всё ещё тихо. Внимательные, с упрёками взгляды всех присутствующих принудили странника опустить глаза.

— Наверное, пастора Хавермана, — медленно ответил он, — но если его нет, то любого свободного пастора. Человек болен. Это Йохан из Бёрсебо. Но нужно поспешить, потому что ему осталось уже немного.

Увидев этого крестьянина, которого хорошо знал, Хаверман скрестил руки за спиной. «Почему ты ищешь меня здесь, Питер?» — спросил он.

Человек ответил скромно и без тени упрёка: «Я проехал четырнадцать миль до Няса, чтобы найти вас, пастор, однако узнал там, что вы остались в доме преподобного настоятеля. Поэтому я приехал себя. И сейчас я умоляю вас, ради Бога, поторопитесь. Йохан начал терять сознание ещё до моего отъезда».

Хаверман наморщил лоб. «Но, Питер, — сказал он, — Йохан из Бёрсебо прихожанин из Равелунды».

— Да, пастор, но, как вы знаете, он живёт с нами с тех пор, как потерял жену. Мы свояки: он и я.

Хаверман поднял свою большую голову и выразительно посмотрел в дальнюю часть комнаты.

— Послушай, Варбек, больной человек это одна из твоих овец. Лучше, чтобы именно ты позаботился о нём.

Было понятно, что Варбек был далеко не в восторге от необходимости ехать на ночь глядя четырнадцать миль через лес. Он извинился, сказав, что место, где теперь живёт Йохан, в действительности относится к приходу Хавермана, в стороне, противоположной от Равелунды. Это было бы не по-христиански — ожидать, что бедный крестьянин, который уже проехал на сегодня двадцать четыре мили, вновь с радостью совершит это путешествие. А если бы Хаверман принял вызов, то потом мог бы ехать прямо домой. Это было бы легче и ему, и лошади.

— А ещё так было бы легче и самому нашему дорогому Брату, — сказал Хаверман, — вы же не думаете, что приборы для причастия потом прилетят назад к настоятелю на крыльях? Или мне стоит вернуться сюда с ними завтра? Я не имею привычки доверять слуге переноску церковного серебра.

Настоятель поднял руку, останавливая пререкания.

— Джентльмены, пожалуйста, успокойтесь! Вы оба останетесь здесь. Старым людям нужно выспаться. Пусть молодые возьмут на себя всю рутину. Кто из вас хочет пойти добровольно? — сказал он, глядя на молодых помощников.

В комнате тут же воцарилась тишина. Савоний чувствовал, что вопрос был задан именно ему, но его взгляд блуждал в направлении мадемуазель Бабетты. До конца вечеринки оставалось лишь несколько

ко коротких часов, и после этого она снова исчезнет в знатном обществе, куда ему не было дороги. Поэтому он не спешил с ответом.

Другие также ждали. Тишина была мучительной. В глазах настоятеля мелькнуло неудовольствие.

— Нам достаточно *того* духа, мои дорогие господа. Если никто не хочет идти добровольно, я вынужден сам дать приказ. Др. Савоний — самый младший среди нас. Он съездит на этот пасторский вызов, причём немедленно. А извозчик пусть, пожалуйста, пройдёт на кухню и там съест бутерброд и что-нибудь выпьет. Хедвига, скажешь Эрику приготовить лошадь? А Иоанн-Кристофер сейчас нам что-нибудь сыграет.

Как всегда, в приказе настоятеля было что-то конкретное и определённое. Крестьянин освободил дверной проход, Хедвига незаметно выскользнула, а Савоний поклонился, неохотно расставаясь с компанией. Иоанн-Кристофер уже начал играть на скрипке, когда, несколько моментов спустя, Савоний с мрачным выражением лица взглянул через открытую дверь на весёлую компанию внутри.

Несчастный и взволнованный, Савоний дошёл до своей комнаты. Такую манеру обращения с докторским званием вряд ли можно было назвать культурной. Он почти сожалел теперь, что не воспользовался никакими возможностями, которые позволили бы ему немедленно занять какое-нибудь постоянное место. Он действовал именно так из чисто идеалистических соображений, прося лишь об обычном назначении, ради обретения опыта. Теперь же для него настало время заплатить за эту романтическую глупость. У него не было абсолютно никакого желания ехать куда-то ночью через тёмный лес. Он отбросил в сторону синее пальто и взял чёрное. Затем он надел священнический воротничок и бефхен, бросил в сумку служебник и, перебрав несколько бумаг на своём столе, разыскал план проповеди по причастию, которую он готовил в церкви ко дню св. Иоанна Крестителя. Это могло пригодиться. Прибор для индивидуального причастия, напоминающий обычный фужер, был в кабинете настоятеля. Он перекинул ремень через плечо и вышел наружу, в тёплый летний вечер.

Извозчик ждал его, стоя возле повозки. Он впопыхах дожёвывал остатки бутерброда. Конюх, вымывший лошадь, унёс пустое ведро. Всё было готово. Из окон настоятельской доносились звуки весёлой музыки.

Теперь они там будут танцевать, — думал Савоний, — а меня отправили в Сибирь!

Когда повозка повернула под большими липами, он вновь оглянулся. Стоял чудесный летний вечер, ветви деревьев игриво целовали поля его шляпы, а сумерки были наполнены приятными ароматами. Сперва был запах мягкой дорожной пыли и свежего сена, который витал в тёплом воздухе между серыми бревенчатыми стенами домов по бокам дороги. Затем донёсся резкий запах дёгтя и колёсной смазки, и цветения тока, и аромат водяных лилий и тины из-под каменного моста. В следующий момент показались уголья настоятельской фермы, а затем дорога резко свернула на север, вниз, далеко по холму. Из низин уже дули свежие потоки влажного и холодного воздуха, пахнущего берёзами и осокой. На правом склоне, окаймляющем долину, стояла чистая и белая церковь. Её шпиль, сделанный каким-то строителем эпохи короля Фридриха, возвышался широко и величаво. Южная стена теперь лежала в сумерках, а её тёмные окна в задумчивости утонули в толстых каменных стенах, но на западе и на севере белые стены светились так, как будто они смогли собрать весь рассеянный свет, который продолжал сиять, угасая и мрачней на северо-западе.

Затем появились деревья. Сперва было пастбище дома приходского священника, защищённое густым березняком. Трава была сочной. Между холмиками стоял высокий можжевельник, который мог бы потягаться с кипарисами на Юге. Савоний подумал, что они похожи на гостей, с похорон явившихся на свадьбу. Ветви плачущей берёзы напоминали покрывало невесты, а красивые молодые берёзки были похожи на маленьких девочек в белых чулках, стоящих группками и глазеющих на убранство обеденного стола. А можжевельник походил на непрошенных вестников смерти. На самом деле, об этом можно было бы написать целую длинную поэму, — думал он, проезжая мимо.

* * *

— Пастор, вы можете мне рассказать, как можно человеку с очень несчастной душой уверовать в благодать Божию?

Савонию вдруг неожиданно вышел из мечты в реальность. Тихину нарушил сидевший рядом крестьянин. Он, должно быть, почувствовал, что вопрос был задан невпопад, и потому он продолжил уже немного нерешительно.

— Простите меня, Пастор. Я думал о больном Йохане. Он в таком стеснении духа, что мы боимся за здравость его ума. Он уже долгое время под сильной виной греха. Он всегда был внешне набожным человеком и не пренебрегал средствами благодати. Но сейчас его одолевает агония души. Это выглядит так, как будто из него вышел весь свет. Он видит только свои прегрешения. Он раскапывает всё, что было прощено и забыто за последние тридцать лет. Это как будто дьявол вручил ему волшебное стекло, через которое он не видит ничего, кроме лживости и фальши — и Бог знает, что это очень уязвляет его, Пастор. Он видит подобострастие и злобу в любом, кто хочет всего лишь выслушать его. Но *благодати* он не видит. У него глаза, как у кошки — видят в темноте, но слепнут на свету.

Савоний сел и уставился на край канавы. Там нереально, как будто во сне, росли дикие орхидеи. Что он мог ответить? Во что он ввязался? Ему нужно было немного подумать перед тем, как сказать что-нибудь.

— Вы пробовали читать ему что-нибудь религиозного характера? — спросил он, пытаясь схватиться за эту мысль.

— Читать? — спросил крестьянин, как будто удивившись такому предложению. — Почему же, мы всегда читаем дома. И мы, конечно, очень много ему читали в эти последние дни, и из Писания, и из гимнов и Скриверовской «Сокровищницы Души». Но когда человек поражён слепотой, как Йохан, он видит только угрозу и суд и наказание, независимо от того, что ему читать. Мы малограмотные люди из Хилтамялена. Но мы думали, Пастор, что вы, как образованный человек, сможете тщательно наставить Йохана о свидетельствах благодати в обращённом грешнике. Потому что в этом случае он должен понять, что поскольку он верует, то его душа не может быть в такой опасности.

Савонию от этого не полегчало. Что они хотят от него? Наставить обращённого грешника о знаках бытия в состоянии благодати? Никогда в жизни он не слышал ни о чём подобном.

Он порывался в памяти. Большие, коричневые тома с чёрными заголовками, отделанные кожей, проплывали перед его взором. Он никогда не воспринимал богословие слишком серьёзно. Его больше интересовали великие философы. Однако из всей «Теодицеи» Лейбница он не мог вспомнить ни единой строчки, которая хотя бы отдалённо говорила бы о чём-нибудь подобном. В действительности же

ему можно было выбросить всё, что он когда-либо читал, возможно, за исключением лишь *Concordia Pia*. В этом томе точно было что-то определённое о страдании напуганной совести. Но что именно это было? Он пожалел, что читал эту *Concordia Pia* столь невнимательно. Конечно, он всегда просматривал профессиональные труды, как пережитки средневековья, понимаемые только в контексте против темноты папства. Но в Одессе темнота была ничуть не меньше. А это означало, что для того, чтобы хоть как-то продвинуться в ней вперёд, необходимо было ортодоксальное богословие и настоящее лютеранство.

Однако было уже слишком поздно искать помощи в таких церковно-исторических трудах. Он столкнулся с тем, что ему нужно было выпутаться из неловкой ситуации, и при этом сохранить лицо. Что, в самом деле, ему нужно говорить, когда он будет у постели больного?

Проповедь по причастию! Он подумал о плане, который он захватил с собой, и вдруг напугался... Это была поэтическая дискуссия о красоте природы как откровения Провидения в его мудрости и законе вселенной. Три её части были наполнены чувствами. В первой было воспоминание о лилиях на полях и отражении чистоты невинного сердца. Вторая напоминала слушателю о бессмертном возрастании души в добродетели через прилежную заботу о её саде. Наконец, следовал призыв мудро уподобиться Богу и двигаться к дисциплине и благой жизни. В день середины лета эта проповедь, сказанная в церкви, освещённой солнцем и пахнущей берёзовыми листьями, звучала очень поучительно. И мадемуазель Бабетта, в конце концов, дала понять, что молодой Др. Савоний был столь гениальным и одарённым в поэзии, что она надеялась, что его вскоре заслуженно оценят за это. Но здесь! Несчастный викарий беспомощно уставился в пространство.

Дорога снова разделилась и сузилась. Крутой холм вёл в чащу леса. Земля была каменистой и наполненной галькой. Берёз больше не было, а вместо них обочины дороги были покрыты горами камней и кустами голубики. Дикая природа со всех сторон, кажется, пыталась разрушить маленькую дорогу, которую человеческие руки проложили через этот первобытный лес. Кругом возвышались до неба пихты, а их ветви сплетались, образуя чёрную темноту, которая своими недобрыми глазами глядела им вслед.

Было, похоже, уже около полуночи. Где-то кричала одинокая птица, а отдельные деревья сливались в сплошную грозную и недружелюбную массу. Они словно воплощали в себе это мрачное приключение Савония, навязанное ему помимо воли. Где-то в глубоком лесу лежал этот сумасшедший человек, которого он был обязан попытаться утешить и успокоить. Если бы он был свободным студентом, не обязанным выполнять это задание, то он бы, наверное, просто выпрыгнул из повозки. Но, как викарию настоятеля Фалтина ему нужно было защищать свою репутацию — или, по крайней мере, видимость репутации и карьеры. А потому он лишь скрытно сжал кулаки, выпрямился и решил вести себя соответственно ситуации.

Небо начало проясняться, пусть хоть на севере. Дорога продолжала подниматься. Иногда, когда холмы были достаточно крутыми, они шли пешком, а пустая повозка ж с шумом подсакивала на камнях. Вдали на много миль не было видно ни одной фермы. Лес был, очевидно, очень густым.

В бодрящем ночном воздухе леса Савоний окончательно протрезвел. Он чувствовал сильную усталость в суставах, но и почти нереальную ясность ума. Несколько раз он пытался получше узнать о больном, расспрашивая водителя. Между тем он пытался ещё приготовить новую проповедь.

— А теперь, Пастор, мы можем доехать до самого конца пути. Отсюда теперь всё время вниз по холму

Савоний посмотрел вверх. Они, несомненно, забрались на самую верхнюю точку Хединговых холмов. Он видел перед собой бесконечный ряд пересекающихся склонов. На северо-востоке небо уже сияло красно-золотым светом сквозь скопление облаков. Вдалеке, между деревьями, светилось озеро, а над болотом струилась тонкой дымкой туман.

Викарий вновь занял своё место в повозке. И во второй раз за эту странную ночь, благодаря чудесам природы, он чувствовал себя в гармонии с бытием. Лес больше не был врагом. У этой забытой Богом пустыни тоже была своя красота. А теперь, если бы он только смог исправить мысли больного! Эта мысль продолжала занозой сидеть в сердце.

Дорога снова немного расширилась. В неё влились несколько тропинок, и уставшая лошадь начала ускоряться, почуяв близость к дому. В лесу появились расчищенные поляны, наводя на мысль о том, что

где-то недалеко живут люди. Затем показался ряд маленьких серых строений, дорога повернула туда, где напротив голого склона стоял двухэтажный дом из бруса с маленькими квадратными окнами.

Едва лишь Савоний ступил ногой на ступицу колеса, как дверь открылась и оттуда вышла женщина. Она выглядела уставшей и невыспавшейся, с грязными волосами.

— Вы всё-таки приехали! Слава Богу!

— Он ещё жив? — спросил водитель голосом, наполненным тревогой.

— Да, но это было ужасно трудно — думать, что вы могли опоздать! Спасибо вам за то, что приехали, пастор. Вы пришли во имя Господа. Добро пожаловать! Пожалуйста, входите.

Она была уже внутри. Савоний успел заметить грязный пол в прихожей. В следующий момент он был в комнате слева. Это была гостиная, занимавшая половину дома. На каждой из трёх внешних стен было по маленькому окошку. Слабый дневной свет проникал с севера, но в комнате всё равно было сумрачно. Воздух был почти невыносимо душным. Больной определённо лежал здесь уже долгое время. Зловонные испарения, заплесневелая еда, запах кожаной обуви и медикаментов были лишь некоторыми компонентами этой душной атмосферы. Викарию захотелось выскочить, но он взял себя в руки.

В правом углу стояла раскладная кровать. На ней в диком беспорядке грудились одеяла и шкуры. Больной лежал, выставив из-под одеял одно колено. За ним виднелась лишь рука, неестественно тонкая и белая рука, направленная вверх. Она была увенчана неестественно крупной кистью с чёрными порами на грубой коже и потрескавшимися мозолями. Костяные и узловатые пальцы, похоже, что-то пытались схватить. Они делали дикие, неестественные выпады, однако ничего не могли поймать; они искривлялись подобно когтям хищной птицы, а затем вновь раскрывались, непрерывно повторяя этот мучительно бессмысленный манёвр.

Савоний вновь взял себя в руки. Он заставил себя отвести глаза от борющейся руки и осмотреться. Он увидел над кроватью грубые бревенчатые стены, а у изголовья сосуд, наполненный можжевельными веточками и отвратительной мокротой, а также старый стул, на деревянном сиденье которого лежали какие-то потёртые книги и стояла кружка воды.

Он подошёл на несколько шагов ближе и услышал свой голос, произносящий застенчиво: «Мир Божий да будет с тобой!»

Огромная рука опустилась, и в полумраке дальнего угла, блестя белками глаз, появилось измученное лицо. Глаза были широко открыты и объяты ужасом, волосы слиплись от мучительной испарины, а искажённый рот был подобен чёрной дыре, в которой сверкали два жёлтых зуба.

Это сам Страх, тоска, исходящая из совершенной тьмы Хаоса, — думал Савоний.

Не сообщая толком, как это произошло, он плюхнулся на стул, который как будто сам пододвинулся сзади. Сосредоточившись изо всех сил, чтобы не потерять самообладания, он схватил борющуюся руку, которая подалась удивительно легко, как рука ребёнка. Грубая и грязная, мёртвая, как деревяшка, она лежала меж сухих ладоней викария.

Какое-то время он сидел в тишине, не зная, с чего начать. Затем он начал говорить, с другом понимая, откуда берутся эти слова:

— Я желаю тебе *Божьего* мира, вечного Божьего мира и благословения.

Больной тряхнул головой.

— Не мне! Не мне! Вечное осуждение, наказание по мере моих грехов, суд гнева и всё адское пламя — вот, что для меня. Мне Он скажет: «Отойди от меня, проклятый, в огонь вечный!»

— Но Бог *благ*, — тихо сказал Савоний.

Больной смотрел прямо в потолок.

— Да, Бог *благ*, очень *благ*. Именно потому мои дела очень плохи. Пастор, вы не представляете, насколько *благ* был для меня Бог. Он разыскал мою душу и даровал мне путь жизни. Но я не прошёл его. Он показал мне чистоту небес, но я никогда не достигну их. Я сидел в церкви Равелунды и слышал ангельское пение. Потом я увидел свою маму на скамье для женщин и подумал: ей очень стара и, возможно, умрёт этой зимой, а я получу в наследство ферму. И тут моё сердце зарыдало, потому что я осознал, что больше родной мамы любил эти грязные деньги. А потом на кафедру вышел пастор. Пузатый, — подумал я. Ты можешь играть в карты или ловить форель, но ты не можете напитать Словом даже одну бедную маленькую Божью овечку. Но я не молился за него. Разве это любовь? А ещё... я бродил одиноко по дороге и увидел рожь в полном цвету. И тогда я подумал: такая сочная

рожь никогда не растёт на каменистой почве. Но капитан присвоил себе все хорошие земли. Зато он хоть и богат в этом мире, но будет гореть в аду. Разве это любовь, пастор?

Йохан неожиданно повернул к пастору свои красные от жара глаза и пронзительно посмотрел на него.

— Вот так и живу, пастор. День ото дня, миг от мига, грех ко греху и ничего, кроме греха.

— Но Бог не желает смерти грешника — прозвучало из уст Савония.

— Но чтобы он обратился от своего пути и жил, — продолжил больной, завершая отрывок. — Потому для меня и нет надежды, пастор. Тридцать лет Бог давал мне возможность обратиться и покаяться. Тридцать лет я на этом пути. Но я никогда не достигну цели. Обратился ли я от злого пути? Нет! Я плакал и взывал к Богу. Но сердце так и осталось злым. Ложь и тьма внутри, притворство и лицемерие снаружи.

— Так исповедуй свои грехи, и Бог простит тебя — попытался сказать Савоний с авторитетом в голосе.

— Исповедать? — переспросил Йохан, и его голова откинулась в безмерной усталости. На его лице теперь был не ужас, а смертельная безысходность, которая казалась намного невыносимее. Безжизненный взор его уставился куда-то вверх.

— Тридцать лет, Господи, я исповедовал свои грехи. Ты знаешь. И Ты прощал мне всё: соль, которую я украл, куропатку, которую я поймал в капкан, прелюбодеяние и богохульство, — всё было прощено. Это было как песня жаворонка в церкви в тот день, и это был именно Твой голос, Господи, который я слышал, когда пастор произносил отпущение грехов. В тот день я преклонил колени в молитве у ворот Бёрсебо, а блаженство и мир покрывали меня, как солнечный свет траву, Господи, и всё это Ты дал мне. И тогда я уверовал, что я Твой. Но каменное сердце во мне осталось. Необрезанное, блудливое сердце осталось таким же злым. Я рыдал и исповедовался, и Ты снова прощал меня. Я приходил с новыми исповеданиями. Милость Твоя велика, Господи. Двадцать раз, пятьдесят раз я приходил; но я не делался лучше. И тогда дверь милости затворилась. Тот, кто кается и верует, будет взят в царство. А я не каялся.

Савоний отчаянно думал. Человек был определённо без ума, его рука была очень горячей. Однако в странствиях его ума оставалась

явная логика. Викарий знал, что грешники могут покаяться и быть прощены, но он почти не думал о том, что так, в самом деле, бывает, за исключением обязательного прощения прелюбодеяния в ризнице. Однако было очевидно, что этот человек очень долго сокрушался о своих грехах, которые, по существу, не казались столь серьёзными. Почему же он тогда сомневался в милости Божией? Савоний мог очень хорошо понять, что человек может нисколько не сомневаться в таких вещах, как чудеса, таинства, Адам, грехопадение и ад. Но милость... Ничего не бывает более очевидного, чем она. Разве не должны все верующие во Всевышнего Бога также осознавать Его благость? Ведь в подтверждение этому можно даже Вольтера цитировать! Но всё же... как заставить этого странного человека поверить в это?

И вдруг Савоний вспомнил слова водителя о том, что если бы только этот человек был наставлен о свидетельствах благодати, то Йохан бы, несомненно, смог понять, что его душа в безопасности. Добрый человек был определённо прав. Было очевидно, что Йохан был излишне обеспокоен. Отдельные фрагменты его человеческой жизни, которые пролетали перед ним, когда он продолжал лихорадочно говорить, показывали в нём такое глубокое и серьёзное благочестие и праведный страх, о каких Савоний даже вряд ли слышал когда-либо. Душа этого человека была всецело занята поиском Бога, и это было очевидно. Тогда почему же он не понимал, что Бог — благ? Каким образом дать ему понять, что ему нечего бояться?

Савоний встал. Опираясь на свою власть священника, он тяжело, как только мог, положил руку на плечо Йохану и сказал: «Йохан из Бёрсебо, я говорю тебе, что если *кто-либо* в этом поселении умирает в мире, то это ты».

Больной посмотрел вверх. В его глазах сиял трепещущий огонёк надежды.

— Как это возможно, пастор?

— Ты лучший человек с самой нравственной душой, которую я когда-либо встречал.

Маленький огонёк света в глазах Йохана вновь потух. Он посмотрел на пастора с пронизательной серьёзностью в глазах.

— Судья не будет судить душу по другим, пастор. Книги будут открыты, и мёртвые будут судиться по тому, что записано в книгах. За каждое суетное слово, сказанное людьми, они дадут ответ в день суда. И моя судьба уже решена.

У Савония невольно опустились руки. Он был бессилён против этой ужасной логики. Этот человек был по-настоящему прав. Конечно, каждый человек будет судим по своим делам. Он сам проповедовал на этот текст во время причастной службы в Quinquagesima. Но он, безусловно, не испытывал душевной тоски.

Не зная, что ещё сказать, он сел. Может, что-нибудь прочесть? Он взялся за книги на другом стуле. Он был рад найти среди них церковную книгу. Он взял потёртый, серый том в свои руки и на миг остановился. Что-то о внутренней борьбе и утешении в несчастье должно подойти, — думал он. Но где ему найти это?

Ему не пришлось искать. Обрез книги был зачитан, и в разных местах страницы сами открывались, поскольку у них были оторваны углы. Он положил палец на первую зазубрину, которая свидетельствовала о том, что это место часто открывали, и нашёл раздел, озаглавленный: «Псалмы для чтения при душевных страданиях, несении креста и внутренней борьбе». Но затем он долгое время сидел без движения. Эти страницы были замусолены настолько, что они стали от этого тёмными. Похоже, их сотни и сотни раз переворачивали запачканные землёй руки. Разве Йохан не говорил, что он жил так тридцать лет? Не он ли зачитал эту книгу? Савоний тихонько отложил её в сторону. Он понимал, что было бы не очень хорошо читать один из тех гимнов, которые больной, должно быть, слышал тысячи раз, не находя в них ничего от своего внутреннего отчаяния. Он чувствовал, что читать что-либо из этой книги просто бессмысленно. Он думал о своей собственной чудесной копии того же церковного сборника гимнов, с хорошими, чистыми и белыми страницами, как простыни на постели, на которых никто не спал.

Затем он вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на него. Он повернул голову. Он осознал, что практически забыл о других людях в доме. Женщина, которая, очевидно, была женой Петра и сестрой больного, сидела на софе в другом конце комнаты. Это именно она смотрела столь пристально, что он повернул голову. Её глаза были широко открыты и окружены глубокими и пугающими тёмными кругами, возникшими от длительных ночных бдений. Она продолжала смотреть на пастора мудрыми, но печальными глазами. Её плечи поникли, а руки лежали на коленях как парализованные. Всё её существо выражало сильное разочарование: последняя надежда, о которой

она думала, рушилась. А ещё эти её большие, печальные, обвиняющие глаза!

Савоний отвёл взгляд и почувствовал, что краснеет. Он предполагал, о чём думает эта женщина. Он и понятия не имел о том, что она пережила в эту ночь в своём одиноком бодрствовании с больным, особенно когда опускалась тьма, и казалось, что её муж не вернётся. Затем, наконец, пришла помощь. Но какой же жалкой была эта помощь!

В голову викарию вдруг пришла ещё одна болезненная мысль. Что эти люди, в самом деле, думают о нём? Он помнил о мелодии гавота, которая прощально доносилась из окон настоятеля. Это, должно быть, звучало очень странно для водителя, который дни и ночи выслушивал лихорадочную борьбу души Йохана. Он вспоминал и о собственном нежелании ехать. О чём же тогда думал крестьянин, который проезжал весь день: сперва в Няс, а потом в Одесйо, в поисках пастора для помощи больному? И что обо всём этом думает женщина? Савоний отчаянно смотрел на свои ботинки. Он не позаботился о том, чтобы переодеть брюки, а потому был одет в чулки до колена, слегка изогнутые башмаки и розеточки на коленях. Он бы и сам рассердился, если бы кто-нибудь вышел служить к алтарю в подобном костюме. Затем он взялся рукой за шею. Да, на нём всё ещё был снобистский голубой шёлковый шарф, повязанный прямо поверх колодаки. Если бы он был хотя бы белым... Что же должны были думать о нём эти люди?

Отвернувшись от женщины, поскольку он не хотел больше сталкиваться с её взглядом, он стал искать глазами Петра. Он ему пришлось довольно сильно повернуться, прежде чем он заметил его на полпути до камина на внутренней стене. Он стоял на коленях перед маленьким деревянным стулом, положив локти на сиденье и закрыв лицо руками.

Викарий робко отвёл взгляд. Сколько времени он стоит здесь на коленях? Он молился в то время, как он, Хенрик Самуил Савоний, доктор из широко известного философского факультета в Упсале и служитель Слова Божьего, не удосужился произнести даже одну маленькую молитву, войдя в дом. Более того, он не молился ни перед путешествием, ни даже в своей комнате, перед тем, как отъехать. А, в самом деле, когда же он молился в последний раз? Должно быть, на вчерашней утренней службе, — если, конечно, он тогда молился...

Его первым желанием было склонить голову и попытаться помолиться. Если бы женщина не смотрела на него, он бы так и поступил. Однако теперь ему стыдно было показать, что он подражает примеру крестьянина. Поэтому он продолжал совершенно неподвижно сидеть на стуле.

Больной поднял свои большие руки и положил их на подбородок. Его глаза были закрыты, и он лихорадочно говорил.

— Вот, Йохан молится на пастбище в Мысебаке. Дует ветер, а ангелы слушают. «О чём сегодня молится Йохан?», — спрашивают они, — голос опустился до шёпота. — Господи, я прошу тебя за портного в Хилтете. Он бьёт свою жену, доит нашу корову и распространяет клевету о нашей Анне, — голос снова поднялся до обычного. — Вот, как молится Йохан, а ангелы улыбаются и утвердительно кивают, потому что Йохан молится за своего врага. Но когда Йохан говорит: «Аминь», и садится, чтобы немного помечтать, и представляет, как в лес приходит шериф и находит виски портного, и берёт его во двор, а судья сажает портного за решётку, и эта мысль согревает злое сердце Йохана. А вот, солнце скрылось в тучах, и начался холодный-холодный дождь. Это ангелы рыдают: «У Йохана необрезанное сердце», — говорят они. «Оно жестоко, хотя Бог был добр к нему. Он столь же злой, сколь милостив Бог. А потому он навеки умрёт и никогда не попадёт на небеса». «Кто взойдёт на гору Господню? Тот, у кого... сердце чисто». Но я никогда, никогда.

— Успокойся, Йохан! Успокойся!

Это кричала женщина. Она сидела, обхватив руками подбородок и неподвижно уставившись прямо перед собой. Глаза её блестели от слёз.

— Они родственники — думал Савоний. — Что, если она тоже сходит с ума?

Он был столь несчастлив и безнадежен, что чувствовал физическую боль. Вся эта картина: сумасшедшее воображение больного с непоколебимой логикой; усталое лицо женщины, красное и опухшее от слёз; тяжёлый воздух и зловоние из плевательницы у его ног — всё это было выше его сил. Он встал и неуверенно направился к двери. Его лицо, должно быть, было белым, как мел. Он с трудом вышел наружу, прежде чем отвращение и тошнота нашли выход в неистовой рвоте.

Вот так и стоял викарий церкви Одесйо, в чулках до колена и элегантных ботинках, в голубом шёлковом шарфе вокруг шеи и небольшими кружевами, выглядывающими из-под чёрных рукавов, прислонившись к выступающему чурбану дома Питера из Хилтамялена. У него не было сил задуматься о комичности своего положения. Всё, что он мог видеть, это был стыд и унижение. Уже светило солнце, и воздух был наполнен утренним щебетаньем птиц, а где-то в деревне за фермой скрипела ветряная мельница.

С бледной гримасой Савоний вытер лицо носовым платком. Теперь ему стоило подумать о том, что вчера он был слишком пьян. Очень скоро скандал может разнестись по всей стране. И это правда: он не был по-настоящему трезв, когда прошлой ночью садился в повозку. Не было это противное недомогание после всего как-то связано с наказанием Провидения, которое Он даёт Своим детям?

Если у викария и было какое-нибудь решение о том, как справиться с ситуацией, то теперь оно исчезло. Он уселся на край колодца, обхватил голову руками и зарыдал, как дитя. Он смертельно устал телом и душой, у него болел живот и он был крайне беспомощен. Он чувствовал лишь огромное желание вернуться вновь к своей учёбе в Упсале.

* * *

— Пастор, Йохан уже умер?

Савоний испугано поднял глаза. Это был совершенно другой голос, глубокий и тёплый женский алыт. Страница, должно быть, спустилась по дороге. На её чёрных волосах, зачёсанных прямо назад, был повязан платок. Лицо было среднего возраста, мудрое, с мягкими и благородными чертами под загаром.

Должно быть, на лице у Савония появилась тень смущения, поскольку женщина поспешила представиться.

— Я Катрина Филипп из Герсмялена. Они попросили меня прийти, поскольку ситуация очень тяжёлая. Мы когда-то были соседями. Но сейчас, я полагаю, он уже упокоился.

В её голосе, а ещё больше — в искреннем взгляде, — была вопрошительная тревожность. Савоний осознал, что она невольнo восприняла его странное поведение как результат его собственной печали по умершему Йохану. О, если бы она и дальше думала так же!

— Йохан ещё жив, но его дела совсем плохи, — сипло ответил он.

Женщина тихонько кивнула и вошла в дом. Викарий сидел ещё мгновение, не решаясь, что предпринять. Наконец, он встал и последовал за ней. «При мне они, по крайней мере, не будут говорить обо мне плохо», — думал он. Прямо за дверью он рухнул на стул.

Женщина была уже у постели. Жена Питера наклонилась и кричала прямо в ухо больному.

— Йохан, проснись! Катрина пришла. Это *Катрина*, ты слышишь?

Больной снова был в здравом уме.

— Катрина, как хорошо, что ты пришла. Ты добрая, Катрина. Бог наградит тебя. А меня Он накажет. Так Он будет возвеличен и объявлен праведным во всех судах Его. Но для меня это плохо кончится. Катрина, почему всё не так, как надо? Ты помнишь, когда мы пели старые гимны из «Песет Моисея и Агнца»? Тогда моё сердце было счастливо в Господе. Но оно так и не очистилось. Катрина, я грешник, великий грешник.

— Да, ты таков, Йохан. Но Иисус — ещё больший Спаситель.

Больной тяжело вздохнул перед тем, как ответить. Похоже, он что-то тщательно обдумывал.

— Да, Он великий Спаситель для тех, кто позволяют себя спасти. Но моё сердце не чисто, мой разум зол; у меня нет нового духа.

— Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Он пришёл призвать не праведников, но грешников.

— Да, Катрина, но дальше сказано: «к покаянию». Его-то как раз у меня и нет.

— Не покаяния тебе не хватает, Йохан, но *веры*. Ты ходишь в покаянии уже тридцать лет.

— И всё же не достиг его!

— Йохан, — сказала женщина почти строго, — ответь мне на такой вопрос: Ты, в самом деле, хочешь иметь чистое сердце?

— Да, Катрина. Бог знает, что я хочу этого.

— Тогда твоё покаяние настолько истинно, насколько оно может быть в испорченном чаде Адама в этом мире. Ты в опасности не потому, что тебе недостаёт покаяния, но потому что ты отошёл от *веры*.

— Во что же мне верить, Катрина?

— Тебе нужно верить этому живому Слову Божию: «А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность». Доныне ты верил в дела и смотрел на

своё сердце. Ты видел только грех и несчастье, потому что Бог помазал твои глаза мазью Духа, видеть истину. У тебя есть грех в сердце, Йохан?

— Да, — робко ответил больной, — большой грех, всецело слишком большой.

— Уже лишь поэтому тебе должно быть ясно, что Бог не оставил тебя, — решительно сказала женщина, — лишь тот, у кого есть Дух Святой, может видеть свои грехи.

— Катрина, ты хочешь сказать, что моё сердце столь нечистое потому, что это дело Божие?

— Не в том, что твоё сердце нечисто, — это дело греха, — но дело Божие в том, что ты теперь видишь это.

— Но почему же тогда я не принял чистое сердце?

— Чтобы ты мог научиться любить Иисуса, — ответила женщина так же невозмутимо, как раньше.

Позади, в своём углу Савоний поднял свою больную голову. Он непрерывно слушал весь этот разговор. Пётр теперь стоял у основания кровати, а его жена откинулась на стуле. Катрина сидела на краю кровати. Викарий с удивлением заметил, что руки больного были в покое. Они широко и нескладно лежали на одеяле и были совершенно спокойны. А глаза его были прикованы к устам женщины.

— Что ты имеешь в виду, Катрина?

— Я имею в виду, Йохан, что если бы у тебя было чистое сердце, и ты бы потому смог бы обрести спасение, — то для чего же тогда тебе нужен был бы Спаситель? Если закон мог бы спасти хоть кого-нибудь из нас, то Иисусу не было бы совершенно никакой нужды умирать на кресте. «Ибо закон производит гнев», и Бог заграждает всякие уста Своими святыми заповедями, так что «весь мир становится виновным перед Богом».

Больной полностью умолк. Его сестра отгоняла мух от его лица. Все остальные были неподвижны.

— Ты скажешь мне ещё что-нибудь, Катрина?

— Да, ещё кое-что, Йохан. «Вот Агнец Божий, взявший на Себя грех мира».

Он на мгновение умолк.

— Ты хочешь сказать...? Ты, в самом деле хочешь сказать, что Он взял также и грех, который обитает в моём нечистом сердце?

— Да, Он искупил весь этот грех, когда Он умер вместо тебя.

— Но он же всё ещё со мною, разве не так?

— Да, точно так же, как было и у Павла. Разве ты не читал: «Знаю, что не живёт во мне, то есть, в плоти моей, доброе; ибо желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу».

— Да, это так, — прошептал Йохан.

— Так всегда было с нами и с другими. «Ранами Его мы исцелились». «Он есть умилоствление за грехи наши: и ... также за грехи всего мира».

Больной лежал тихо, затаив дыхание. Затем он прошептал: «Скажи ещё слово, Катрина, верное слово, и я поверю».

Женщина тихонько встала, взяла Библию, лежащую на столе, и снова села. Затем она открыла Библию и прочитала:

«Потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе».

— Аминь. Я верую! — чуть слышным голосом сказал Йохан.

Катрина встала и положила Библию обратно на стол.

— А теперь пришло время для Божьего дела. Теперь ты должен попросить пастора дать тебе святое таинство.

Йохан медленно кивнул. «Господи, в руки твои я предаю себя, — он посмотрел на сестру — ты попросишь пастора?»

Савоний был уже на ногах. Его чувства были в смятении. Если бы только он мог понять этих людей! То он бесполезен для них, то, вдруг, они обращаются к нему с почтением, как если бы чуть ранее он не потерпел полную неудачу в том самом деле, ради которого они и пригласили его.

— Пастор! — заговорил Пётр. — От нас до церкви четырнадцать миль. Кроме того, Йохан — брат моей жены, и это, наверное, его последние минуты. Пастор, вы позволите нам вместе с Йоханом принять святые тело и кровь Господа?

Викарий кивнул в тишине. Подумать только, они хотели, чтобы он служил им... Он достал из сумки служебник и церковное облачение. Затем он открыл набор для причастия, поставил на стол чашу и наполнил её вином. Остальные заправили кровать, подложили Йохану под спину подушку и немного прибрались в комнате. Затем все сели.

Савоний собрался с мыслями. Как и в случае со вступительным словом, Бог Сам уже позаботился обо всём, а потому он мог опустить своё собственное. Он вознёс руки и произнёс тихую молитву. Он, в

самом деле, помолился. Неловко и на ощупь, но молитвой, полной глубокого стремления. Затем он открыл красную обложку служебника, занял своё место у кровати и начал читать:

— Дорогой брат, ободришь и исповедай твои грехи перед Богом, твоим небесным Отцом...

Йохан сложил руки. Его глаза устремились к потолку. Савоний, озабоченный его состоянием, перевернул страницы и нашёл молитву под рубрикой «когда больной очень слаб». Он начал читать, медленно и торжественно:

— Я, бедный, несчастный грешник, ...

Остальные трое опустили на колени на пол. Со сложенными руками и склонёнными головами они присоединились к чтению. Даже уста Йохана были в движении. «Против Тебя и Твоих святых заповедей я согрешил мыслью, словом и делом...»

Савоний смотрел на Йохана и не мог оторвать глаз. Беспокойные мысли вновь стали одолевать его. Это было так, как будто его прегрешения спускались подобно тёмной массе ему на лоб, так что морщины вокруг глаз сжимались в тайной агонии. Викарий благоговейно продолжил чтение. Наконец, он дошёл до слов: «который вернулся к Тебе и с живой верой укрылся в Твоей Отеческой жалости и в заслугах нашего Спасителя Иисуса Христа». Он почти выкрикнул эти слова, как будто вбил сваю.

На этом исповедь грехов завершилась. В словах литургии Савоний спросил: «Веруешь ли ты, что Бог дал Своему рукоположенному слуге власть в Его церкви через Его святое Слово прощать грехи, и что моё прощение это Божье прощение?»

— Да, — столь искренне и уверенно ответил Йохан, что Савоний впервые понял, что это был не просто формальный вопрос, прочитанный из книги, но живой вопрос, тот, который включал в себя настоящую жизнь и смерть.

— Да будет тебе по вере твоей! По заповеди Господа нашего Иисуса Христа я прощаю тебе твои грехи во имя Бога Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Йохан лежал спокойно, не открывая глаз. Морщины возле его уст и между бровями сгладились невидимой рукой. И... не улыбка ли это играла на его устах? Да, это именно улыбка, улыбка ребёнка, очень счастливого ребёнка, — думал Савоний.

Он прочитал предначинание и слова установления над хлебом и вином. Священные слова восстановили его уверенность. Здесь ничего не зависело от него. Здесь он был всего лишь слуга, безымянная связь в длинном преемстве рук, которые Христос использовал в течение веков чтобы давать людям Свои дары. Впервые он чувствовал облегчение, а не насилие в том, чтобы быть не более, чем просто служителем церкви, без всяких своих заслуг, не ища никакой другой славы, чем чести быть слугой святого наследия.

Он раздал хлеб. Одной разломленной гостии хватило на всех. Затем он подал им чашу. После этого Йохан вдруг заговорил странным, далёким голосом.

— Послушайте! Разве вы не слышите звуки органа? Я слышу шелест белых крыльев. Я слышу звук водопада. Теперь Йохан сидит в церкви Равелунды, а органист играет так, как не играл никогда раньше. Я слышу их, поющих: «Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф. Небеса и земля полны Его славы». На алтаре чаша Господня сияет как огонь. Но стена сделана из кристалла, а на церкви нет крыши, и ангелы небесные восходят и нисходят. Они склоняются перед чашей, они закрывают свои лица. Они говорят: «Благословен грядущий во имя Господне». А вот, архангел берёт чашу в руки. Она как чистый огонь. И вот, он идёт ко мне. Из его пальцев вылетают искры, он сожжёт меня до смерти!

Йохан прикрыл одной рукой глаза, как будто чтобы защитить их от слишком яркого света. Другой рукой он отталкивал что-то от себя. Но затем обе руки опустились. Он снова успокоился и прошептал следующие слова.

— Ты хочешь лишь очистить меня, Господи, очистить и искупить. Ты хочешь лишь спасти, и теперь твои ангелы говорят: «Вот, это коснулось уст твоих; и беззаконие твоё удалено. Теперь ты можешь предстоять перед живым Богом».

— Он бредит, — прошептала его жена. — Боже, сохрани ему рассудок!

— Он мудрее всякого из нас, — немного резко ответил Савоний. — Воздадим хвалу и помолимся!

Он прочитал молитву благодарения и произнёс Бенедикцию. Затем он запел гимн: «Ныне все благодарим нашего Бога», а остальные, оставаясь на коленях, присоединились к нему.

Минутой позже они продолжали тихо молиться. Они, похоже, были потрясены чем-то невидимым, что они не могли осознать. Йохан тихо лежал в постели и выглядел спящим.

Когда они, наконец, поднялись, его жена пригласила его позавтракать. Савоний отказался. Он хотел как можно скорее вернуться домой. Ему не очень хотелось заставлять исполнительного Петра вновь пускаться в путь, особенно, поскольку его крёстный мог умереть ещё до наступления ночи. Но затем он вспомнил, что если он сможет добраться хотя бы до большой дороги в деревне, то он сможет добраться до дома, наняв извозчика. До Хестера лишь несколько миль, а оттуда он сможет нанять извозчика до Одесйо. Потому было решено, что Пётр доведёт его до гостиницы в Хестере. Таким образом, он исполнит свой долг.

Его жена благодарно посмотрела на викария. Он заметил, что она была рада тому, что её муж сможет вернуться совсем скоро. Савоний тоже был рад. Раз уж он оказался плох как пастор, он всё же остался порядочным человеком.

Прощание было кратким и немногословным. Доктор Савоний ожидал увидеть хоть намёк на иронию в чести, которую оказали ему эти замечательные люди, но ничего подобного не было. Он был рад, что Катрина оставалась. Она бы принесла больше пользы, чем он, если бы больной был в другой беде.

* * *

Он снова ехал. Тишину нарушали лишь звон сбруи и скрип колёс в песке. Савоний заметил, что теперь они двигались медленнее, хотя дорога спускалась вниз. В конце концов, извозчик пустил в ход хлыст, не безжалостно или нетерпеливо, но с твёрдым намерением заставить кобылу поднапрячься. А она неопределённо мешкала. Савоний понимал разницу. Вчера ночью это был вопрос жизни и смерти, а теперь всё было улажено. Во всём был смысл. И эти люди думали о других. Даже в этом они отличались от него. Он со стыдом вспомнил о том, что он забыл в тот момент, когда они выехали, о том, что Петру, наверное, нужно было бы что-нибудь съесть перед тем, как вновь выезжать в путь.

Он повернулся к крестьянину. Его лицо было бесстрастным и погружённым в себя, подбородок остро выступал наружу, а тёмные волосы торчали из-за ушей. Викарий вдруг заинтересовался образом

жизни и опытом, который производит такие вот характеры. Он хотел спросить — но не знал, как лучше это сделать.

— Расскажи мне, Пётр, почему твой народ здесь в Хилтамялене такой... такой... Я имею в виду, что вы так читаете Божье Слово и молитесь именно так?

Внутри себя он думал, что если бы врач столь неловко спрашивал о телах своих пациентов, как он сейчас допытывался об их душах, то он должен был бы признать себя негодным. Ему стоило задуматься о том, является ли он настоящим пастором.

Пётр оценил вопрос трезво и внятно.

— Это пошло с моей тётки, — сказал он, — В молодости она работала в окрестностях Калмара и пробудилась от проповеди Элвинга. Он был пиетистом и «возрожденцем». В моей крёстной было что-то особенное; она могла петь и говорить так, как будто это была живая картина на стене. Йохан многое перенял от неё. Когда я познакомился с моей Анной, мне была оказана честь присутствовать на воскресных вечерах, когда её отец читал из «Сокровищницы души» Скривера, а потом мы вместе пели. Вот так и я встал на тот же путь.

— А Катрина?

— Это уже другая история. Она родилась на севере. У них был пастор, который много внимания уделял искуплению, и у него Катрина научилась понимать всё о Божьей благодати. Мы были соседями три года. От Катрины у них есть замечания Мартина Лютера; а у нас была Библия и Скриверовская «Сокровищница души». Каждый месяц мы менялись. Но теперь мы живём далеко уже несколько лет.

Савоний молчал. В этот вечер ему открылся совершенно новый мир. Его совершенно ничего не связывало с его собственным старым взглядом на вещи. В его радостной жизни был разум и благодать, вежливая улыбка в ответ на глупость мира, аромат тёплого пунша, музыка спинета. Там были катания с факелами, аромат сирени, лёгкие сатиновые тапочки, оставляющие красивые следы на песчаной дороге, дружелюбная праздность и добродушие — и на фоне этого он ожидал продвижения до высшей церковной должности и чести, окружённый кругом служителей, личного кучера и профессорской шляпы. Более того: там была возможность продвижения в обществе, благополучия и образования, школ для детей и развитого сельского хозяйства; так же была идея лучшей политики и управления приходом. А на верши-

не этой системы был высший разум, мудрый и благой Бог, который требовал от нас разумной и целомудренной жизни.

Другого же мира Савоний в настоящий момент коснулся совершенно случайно. Он находился среди людей, этой серой и коричневой массы, которая пахла крепкой и сырой шерстью, когда сидела перед ним, а он стоял за кафедрой. Он был к ним чуть ближе, когда давал таинства в эти грубые уста, которые практически не волновали его и когда невинно улыбались, и когда пахли нюхательным табаком и дешёвым бренди. Он вновь встречался с ними возле крещальной купели, где крёстные матери снимали с детей покров, а ему нужно было стоять там, среди вони пелёнок и пригорелого жира, и крестить какие-то красные и сучковатые узелки человечества. Теперь же он внезапно прорвался через стену разделения и увидел этот мир изнутри.

Он понимал, что достиг того места, где вопрос о Боге был более живым, чем где-либо ещё, хотя, конечно же, он должен был быть живым в богословских и церковных кругах, в которых он жил до сих пор. Он даже почувствовал, что в это короткое утро узнал о настоящей нажобности намного больше, чем за всю предыдущую жизнь. Здесь вопрос о спасении души был в высшей степени серьёзным и настоящим. Действительно, само спасение было чем-то настолько реальным, что было почти видимым. Он читал когда-то обо всём в этом в Упсале, и даже говорил об этом древними словами и фразами учебника. Но до сего дня он всегда думал об этом как о каком-то почтенном символе высшей реальности, о которой он знал как о Провидении, с его естественными законами и моральными принципами. Сидя здесь, в карете, ему казалось, что Бог был для него так далёк и величествен, как облака и огромное летнее небо над головой — бесконечно великое, благородное в Своем летнем тепле, но всё же очень далёкое! Для тех же людей, которых он только что узнал, Бог был также землёй и обычным днём. Он был к ним так близок, как Библия на столе или одежда, которую они носили. Он был таким настоящим, как вспаханные поля и горные утёсы. Его гнев был как буря и лихорадка, Его милость — как любимое субботнее утро. Для них всё вокруг было близким и осязаемым. А ещё над ними были вечные небеса.

Так какой же мир после этого можно было назвать самым лучшим?

Рассудок Савония вновь стал удивительно ясным и острым. Его усталое тело мило отдыхало на сиденье извозчика, а мысли были про-

зрачны, как стекло. В раннем утреннем солнечном свете вещи, казалось, открывали свою истинную сущность. Дорога спускалась в долину. В лесу открывались лиственные поляны и расчищенные участки, со стороны фермерских домов доносились звуки с молочных ферм, утренний дымок поднимался из труб, а на дугах был сенокос. В июльском небе не было ни единого облачка.

Лишь небо оставалось пустым, думал Савоний. Столь пустым, каким оно до сего дня было в моей вере! Лишь небеса! Кристально-чистый разум; величественные, прозрачные мысли; вечные принципы: Бог, добродетель, бессмертие. Но здесь, внизу, жизнь текла своим чередом: французская кухня, званые вечера, остроумные рассказы, последние величественные речи об экономности, последние новости с войны в Финляндии — и наконец, маленькая гомилия воскресным утром о драгоценном проявлении благодати от Всевышнего.

Они свернули на сельскую улицу в Хестере. Солнце играло лучами на верхушках лип. Он почти физически чувствовал, как его тёплый поток струится над землёй и поглощается травой и цветами, как он проникает во всё творение как тёплая, животворящая, пробуждающая и вдохновляющая сила. Небеса, наверное, такие же. Они также спускаются на землю, в творение, освещают широким потоком кухонные столы, проникают через двери хлевов и окна мельниц. Они должны являться так, чтобы приносить жизнь, чтобы бороться и спасаться. Они не должны быть лишь над землёй и пылью, они должны быть в их толще. Они не должны удаляться от серой и пахнущей толпы перед кафедрой, но проникать глубоко в её членов. Они не должны обитать, огороженные забором пасторского дома или знатных усадеб, они должны быть именно там, где стоят друг напротив друга дома крестьян с кривыми кровлями, и где из навозных куч с ферм вытекают зловонные ручьи.

Повозка остановилась возле сельской гостиницы.

Савоний вдруг вспомнил, что он упустил самое важное. Он хотел правдоподобно извиниться за своё странное поведение и попытаться вывести у Питера, что же тот в самом деле о нём думал. Теперь он стоял на колесе повозки, колеблясь и стыдясь по мере того, как ясно вспоминал подробности своего постыдного провала.

— Ну, пока, Питер, — сбивчиво сказал он. — Спасибо за поездку. Прости, что я не смог ничего больше сделать для Йохана.

— Больше? — вопросительно посмотрел на него Питер. — Пастор, разве вы не дали ему Христовы тело и кровь? Разве вы не при-
менили к нему благословенную власть ключей, исходящую от Бога? Разве может человек сделать больше?

— Я вот, чего не сделал, — честно ответил Савоний, — Я не смог утешить его.

— Лишь Бог может это сделать, Пастор, а также тот, кого Он выбирает орудием для этого. Просто время ещё не пришло, но оно придёт.

— Что ты имеешь в виду, Питер?

Крестьянин надолго замолчал, глядя на землю.

— Мне не следует давать советы слуге Господнему, — сказал он. — Но если вы желаете получить ответ от Бога, пастор, то это написано в утешительных словах в двадцать второй главе св. Луки, в тридцать втором стихе.

Савоний порылся в памяти.

— Какое слово ты имеешь в виду, Питер?

— Оно не должно исходить от меня, — уклончиво ответил крестьянин. — Это слишком большая честь для меня. Но если оно исходит от Господа, оно будет принято и станет благословением.

Сказав это, он глубоко поклонился, сел в повозку и взял вожжи. Но Савоний чувствовал, что он не был готов ещё расстаться с этим странным человеком. Он сделал длинный шаг в сторону повозки, положил руку на край сиденья, настойчиво посмотрел на человека и сказал:

— Помолись за меня, Питер.

Крестьянин спокойно встретил взгляд пастора. И по его лицу растеклось почти незаметное облегчение.

— Мы уже сделали это, Пастор. И если вы хотите, мы можем продолжить — с удовольствием.

— Спасибо тебе, — сказал Савоний, отвернувшись. Он задумчиво пошёл в сторону гостиницы, бормоча себе под нос: «Двадцать два и тридцать два; двадцать два и тридцать два».

* * *

В доме настоятеля в Одессе жизнь протекала, как обычно. Мария-Елена занималась утренними делами, в большом зале девушки начали раскладывать вещи по местам и двигать кресла; с кухни доносился звон кастрюль и посуды, туда принесли молоко и в коридор

начал просачиваться приятный аромат картофельных оладий. Эта умиротворённость продолжалась до тех пор, пока Хедвига не понесла викарию в комнату поднос бутербродов и стакан фруктового напитка и не обнаружила, что комната пуста. С некоторой неохотой она поспешила к спальне настоятеля, постучала в дверь и рассказала о новостях.

Настоятель подумал о крутых склонах Хединга и испугался худшего. Всё, о чём он мог подумать, это сонный извозчик и загнанная лошадь, а это легко могло привести к аварии. Однако он не выражал беспокойства.

— Я почти уверен, что они решили попросить викария переночевать в Хилтамялене, — сказал он. — Не ждите его раньше полудня.

Хедвига утешилась таким ответом.

Однако вот настоятель продолжал волноваться, а потому уже не мог больше лежать в постели. Он аккуратно оделся, разжёг трубку и с огромной неохотой приступил к своим занятиям. Строча что-то своим пером и подчёркивая и удаляя что-то в статье об увеличивающемся тщеславии крестьян по отношению к стилю в одежде и в жизни, которую графское управление попросило его подготовить, он вновь и вновь глядел сквозь липы туда, где виднелась дорога к дому.

Прозвенел звонок на завтрак. Настоятель вошёл в большой зал, чтобы совершить утренние молитвы. Он находился в противоположном крыле и занимал всю южную часть поместья. Дом был построен, судя по всему, во времена короля Карла, и кухня, по старому обычаю, находилась прямо перед прихожей. Большой зал был справа, а спальня и кабинет настоятеля слева.

После утренней молитвы и завтрака настоятель не выдержал и под предлогом наблюдения за сенокосом прошёл вниз по дороге в сторону склонов Хединга. Он никогда не показывался никому слабым. Если викарий поступил небрежно, ему предстоит самому за это ответить. Однако он чувствовал в сердце, что ему было бы трудно пережить, если бы с его помощником что-то случилось. Он очень привязался к этому остроумному доктору из Упсалы, который был всегда готов сочинять музыку и немного заниматься поэзией. И в том, что вчера он обошёл с ним резковато, не было ничего, кроме нежности. Хенрика следовало вчера заставить поехать в приход, окунув головой в холодную воду, чтобы он научился плавать. А до тех пор в этом молодом человеке не было ни капли пастыря. Он, конечно, пропове-

довал, да так, что молодые леди аплодировали ему, махая косынками, однако, откровенно говоря, это было ни что иное, как поверхностный набор слащавых реплик. Крестьяне были бы шокированы от большого количества такого «корма», а для смертного одра это была и вовсе никчемная болтовня. Настоятель лично отвечал за пасторские вызовы. Однако он понимал, что ему нужно дать Хенрику вкусить грубого хлеба серьёзности, если он хотел добиться чего-то, как пастор. Если только он не свернул себе шею в первый же раз, как выехал за пределы священнического дома!

Настоятель сделал большой крюк к северу через поля, но не упуская из виду дорогу. Колокольчик известил о полднике, однако повозка всё никак не появлялась. Настоятель повернул назад, к дому, сильно встревожившись.

* * *

Когда он дошёл до каменного моста взглянул на весь прямой участок дороги, ведущий к саду, повозка как раз выезжала из ворот на дорогу в обратном направлении. Если он не ошибся, вниз по холму семенил чёрный мерин трактирщика. Значит, повозка должна быть из Хестера. Гадая, что бы это значило, он ускорил шаг и живо дошёл до дома.

Хедвига выскочила встретить его. Это была самая старшая дочь настоятеля, и она занималась делами по дому с тех пор, как его жена отошла в мир иной. Её рано повзрослевшее из-за возложенной на неё ответственности лицо являло материнскую заботу.

— Дорогой папа, что нам делать? Доктор Савоний вернулся на повозке из Хестера. Он всю ночь не смыкал глаз. Он выглядит ужасно измученным и не желает ничего есть. А теперь он заперся наверху, у себя в комнате.

Настоятель ощутил тайное чувство облегчения. Было очевидно, что руки и ноги Хенрика были на месте.

— Если он проехал за ночь двадцать восемь миль в наёмной повозке, — сказал он, успокаивая дочь, — то нет ничего удивительного в том, что он устал. Не тревожь его. Я сам загляну к нему.

Настоятель вошёл и поднялся по прямой лестнице фронтона. Там был тёплый воздух, висевший густо, как подушка под стропилами открытой комнаты. Тёмные облачения висели рядами под грубыми потолочными досками. Полы прогибались под ногами настоятеля. В северном крыле беспотолочного фронтона, где, подобно башне, стоя-

ла покрытая белой штукатуркой труба, находилась комната викария. На входе в комнату висела на длинных петлях низкая дверь, древнего образца и почти квадратная.

Настоятель постучал.

* * *

Последнюю часть путешествия Савоний дремал на сиденье коляски. Когда люди в деревне начали его приветствовать, он поднялся, причёсался и стряхнул пыль со шляпы. Он бы предпочёл незаметно проскользнуть в свою комнату, однако Хедвига заметила его и была на ступеньках раньше, чем он успел расплатиться с извозчиком. Половину её беспокойных вопросов он оставил без ответа, а потом сказал крайне раздражённое «нет» на её попытку его накормить. Отдав ей для чистки причастные сосуды, он тяжёлыми шагами поднялся по лестнице.

Едва закрыв за собой дверь, он бросился к столу и открыл свою Библию.

«Лука 22:32», — бормотал он. Вот они. Слова Спасителя к Петру по дороге в Гефсиманию: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих».

В нём чередовались две волны чувств. С одной стороны было негодование. Неужели этот крестьянин имел в виду, что он — не обращён? С другой, было могучее чувство, переполняющее его и сметающее всё на своём пути. Это не было человеческое слово, но Слово Божие, твёрдое и ясное утверждение о его состоянии.

Не обращённый, поддержанный молитвой Другого и всё же призванный утвердить своих братьев! Он видел это с почти сверхъестественной ясностью, как будто извне: он видел себя, немного опьянённого, в красных подвязках-розочках на коленях, входящего в повозку летним вечером с головой, забитой мелодиями гавотов и сердцем, эгоистично озабоченным лишь собственной честью. Он совершенно не думал о больном; ему совершенно не хотелось жалеть его, и ещё меньше думать о его спасении. Он совершенно забыл Того, кто послал его. Однако далеко-далеко за границами ночного летнего неба восседал на троне Тот, кто с беспредельной милостью молился за Своего неверного слугу, молился, чтобы его несчастная, безжизненная вера не умерла совершенно в холодном ночном воздухе насмешек и шуток, но чтобы она могла вновь возгореться теплотой и живым пламенем. Он смотрел на всё это, как на панораму: лесная дорога, на которой

Хенрик Самуил Савоний, неверный слуга Божий, ехал в пучину унижения, поддержанный ходатайством Спасителя, будучи сам небрежен ко всему святому, однако воспоминаемый Святым, которого он забыл. И, в той же меланхолической слабости, на другой дороге, которая белой лентой появлялась перед ним, он видел одинокую женщину, ведомую той же великой Милостью, исполняющую то служение, в котором несовершенный служитель Слова с треском провалился. Беспольный, но всё же не отвергнутый. Разве Бог не призвал его преподавать Святое Таинство этими недостойными руками? Разве ему не было дозволено повернуть ключ, который именем Спасителя открыл врата небес? Разве он не был удостоен быть священником в небесном радостном пире, во время которого Йохан на своём смертном одре видел ангелов Божиих? И разве ныне, подводя итог всему, Бог не послал ему весть, непомерную в своей незаслуженной и переполняющей благодати: «Утверди братьев твоих». Бог, в конце концов, желает использовать его!

Он опустил на колени, положил плечи на шаткий стол и сжал лоб руками.

«Господи, Господи, как это Ты? Господи, как так Ты вознаграждаешь мои проступки? Ты потому облёк меня в благодать, что я столь глубоко отвергал Тебя? Господи, я слишком ничтожен. Господи, я не могу. Ты знаешь мою гордыню. Ты знаешь, что я желал себе всей славы. Ты знаешь, что я желал быть видным и красивым, но не служить и не нести Твой крест. Господи, помилуй меня! Если Ты всё ещё со мной, заberi меня всего!»

Он тихо стоял на коленях. Ему казалось, что он чувствовал, как всё его бытие медленно утекало в руки Божии, что он возносился от всего прошлого и последовательно перетекал в новую формочку, новую жизнь и новую волю, которая охватила его в свои сильные объятия. И когда Бог взял его душу в Свои руки, он услышал призыв: «Утверди братьев твоих», как всеутверждающий и абсолютный приказ.

«Дорогой Господь, — бормотал он, — если Ты желаешь использовать меня, я исполню все Твои приказы».

Теперь ему казалось, что он видел перед собой серую, вонючую толпу деревенщины, этих шведских простолюдинов, забытых своими вождами, находящуюся в опасности напиться до смерти в отчаянии, посеянным маленькими и жалкими проповедями, сфабрированными из красивых фраз. Но у них ещё оставались силы проливать кровь и

побеждать в войне далеко на Балтике. Именно к ним он был теперь послан, и с помощью Божией ему надлежало этим заниматься.

Он уже приступил к этому. Кто-то стоял у двери. Затем раздался быстрый и узнаваемый стук настоятеля. Быстро встав, он вымолвил смущённое: «Войдите!». Однако, когда настоятель вошёл, он так и не успел ни выпрямиться, ни отряхнуть пыль с коленей.

Настоятель продолжал стоять, видимо, удивившись. Он заговорил, пытаясь сохранить спокойствие.

— Ну вот, дорогой мой Хенрик, я рад снова видеть тебя. Как всё прошло?

— Спасибо вам, сэр, всё было замечательно. Йоханн обрёл мир, а я наоборот.

Глаза настоятеля расширились.

— Всё *настолько* хорошо? — спросил он? Он всё ещё сомневался, что понял правильно то, что сказал викарий. С долей подозрения он взглянул на его голубой шарф и розочки на коленях.

Савоний импульсивно схватился за них. Два быстрых рывка, резкий звук рвущейся ткани и две подвязки, оборванные и измятые, упали на пол, за угол комода. Он выпрямился и сказал:

— Сэр, я всё обдумал. Я хочу быть *пастором*, настоящим пастором.

Удивление и сомнение на лице настоятеля сменились широкой улыбкой, исполненной отеческого добродушия.

— Ну, тогда, мой мальчик, да благословит тебя Бог! Хотя штаны ни в чём не виноваты.

Не дав Савонию ни секунды для ответа, он вышел из комнаты и двинулся вниз по лестнице. Викарий не спеша пошёл за ним. Настоятель на мгновение остановился в своём кабинете. Савоний остановился, ожидая его у дверей в столовую. Мгновением позже настоятель вновь появился с большим коричневым кожаным томом в руке. Он вежливо втолкнул запинаящегося викария в комнату, где обед уже ждал на столе.

— Теперь, Хенрик, нам нужно поесть. На десерт ты можешь взять себе в комнату эту книгу. Это комментарий святого Нюрнберга. Я долгое время думал, что тебе следовало бы немного почитать. Это очень поможет и тебе, и общине. Ты можешь начать примерно с проповеди на Третье воскресенье после Троицы, где говорится о нищете духа. А теперь, давай поблагодарим!

Савоний глубоко и искренне склонил голову. В тот же момент он вдруг подумал, что сейчас стоит почти на том же самом месте, где и вчера, когда настоятель произносил тост за героев Ёстерботтена. Это было вроде не очень давно — но почти вечность назад. Где-то в этой бессонной ночи между двумя мирами пробежала граница. И Бог перевёл через эту границу Своего недостойного служителя.

«Благодарю Тебя, Господи», — пробормотал он.

Разбуженные Законом

Сегодня в доме было необычно тихо. Впервые за долгое время погода успокоилась, огромные сугробы начали таять и темнеть, а на крышах медленно и ритмично закапало. Как только снег начал падать мокрыми комьями с деревьев и плюхаться с брызгами на землю, разгруженные ветви стали подниматься и распрямляться впервые за последние недели.

Настоятель находил определённое удовольствие в неподвижности. Постоянный переполох последних недель почти полностью изматал его. Он стоял в своём кабинете возле окна, выходящего во внутренний двор и смотрел на другое крыло дома. Сегодня дверь была закрыта, а никто не стучал заснеженными ботинками по плитам. День был просто восхитительный. За последние месяцы произошло столько событий, что для настоятеля это было слишком много. Он размышлял о всех событиях, которые случились с той самой июльской ночи, когда Хенрик получил первую встряску.

Сперва он много времени проводил дома, говорил мало и много читал. Когда домой вернулся Джон-Кристофер, Хенрик переместился в другую часть дома, в маленькую комнату под двускатной крышей. Настоятель с некоторым разочарованием разглядывал квадратное окно, обрамлённое двумя полукруглыми ставнями. С тех пор, как Хенрик перебрался сюда, они стали немного чужими. Викарий был не похож на самого себя. Он одевался в чёрное и уже не писал, как раньше, весёлых стихов.

Мало помалу происходили и другие изменения. Хенрик при каждом удобном случае вникал в мудрость старых добрых библейских комментариев. Во-первых, он тщательно прошёл по «Порядку спасения падшего человека». По мнению настоятеля это была безусловно хорошая книга, а Нюрберг был одним из его любимых авторов. Затем он усвоил *Concordia Pia*, Лютеровы Церковные Комментарии, *Collegium Pastorale* Понтоппидана и Книгу Общины Фрезениуса. До сих пор всё шло как по маслу.

Но когда в один прекрасный день он взялся усваивать Марбека, настоятель насторожился. Если читать Марбека проникательно,

то всё было в порядке. Настоятель и сам бы не прочь почитать эту книгу прямо перед Рождеством чтобы получить заряд соли для своих предупреждений относительно предстоящих на праздник обильных возлияний. Но читать это в неделю после праздника св. Михаила, прямо посреди периода Троицы было уж слишком. Несомненно, что не без благих причин Марбек в своё время был приостановлен в служении почётным кафедральным капитулом в Лунде. Если Хенрик будет продолжать в том же духе, это приведёт его к таким же печальным последствиям.

Однако никто не мог отрицать, что проповеди викария улучшились. В этом смысле настоятель чувствовал, что его молитвы были очень даже услышаны.

Очень скоро стало заметно, что во время проповедей Савония посещаемость заметно увеличивалась. Настоятель со своим викарием служили по очереди через воскресенье. К слову, церковь всегда была практически заполнена. Но теперь во время служения викария она была переполнена. Некоторые даже стояли в проходах, и люди из соседних приходов стали частыми гостями на службах. Настоятель был встревожен. Безусловно, это было лишь любопытство! Он никогда не мог смириться ни с какой сенсационностью в связи со Словом Божиим.

Худшим из всего было внимание людей из других приходов. Это стало настоящим бедствием. С юга приходили люди из Равелунды. Они ходили пешком большими группами. А с севера, из-за Хединговых холмов приезжали санные упряжки со звенящими бубенцами и скользили мимо дома настоятеля. Это вызывало неудобство, во-первых, у членов прихода, которые теснились на своих скамьях, чтобы дать место гостям. Но даже их ворчание было легче вытерпеть, чем злобные замечания Хавермана в Нясе и Варбека в Равелунде. Они сетовали, что викарий из Одесйо возбуждал общее негодование среди честных граждан, когда своей странной манерой проповеди соблазнял простых людей идти куда-то за границы своего прихода вместо того чтобы внимать через проповедь своих законно назначенных пасторов драгоценным основам веры.

Чтобы положить конец этому обидному выбору пастора, настоятель придумал такую уловку: на неделе он поменял расписание служб и сказал, что он сам будет проповедовать в грядущее воскресенье. Хенрика он попросил совершить литургию, а сам поднялся на

кафедру, замечая с плутоватым удовольствием испуг среди прихожан в церкви. В качестве вступления у него был текст Матфея 11:7 «что смотреть ходили вы в пустыню?» Его проповедь была посвящена опасностям колебания всякими духовными течениями вместо того, чтобы оставаться верным простому Слову Божию.

Но триумф его продлился недолго. Хотя он покончил с расписанием проповедей и с объявлением о том, кто будет служить в грядущее воскресенье, ему всё же приходилось предупреждать Хенрика за несколько дней до того, как ему нужно было проповедовать. Так или иначе, эта информация просачивалась наружу, и когда викарию надлежало проповедовать, дороги снова наводнялись толпами.

Конечно, нельзя отрицать, что в том, как проповедовал Хенрик, было что-то примечательное. Он всегда был красноречив. Теперь же в его голосе появилась стальная твёрдость, а в мыслях — крепкая власть, и потому было очень трудно избежать влияния его слов. О, если бы только он не был столь настойчив!

Настоятель глубоко вздохнул. Было стыдно, что такое большое рвение было испорчено таким недостатком мудрости! Ибо если дорогой Хенрик пылал, то он никак не осторожничал с огнём! Не единожды настоятель сидел на своей скамье с закрытыми глазами и строгим лицом, как будто выточенным из дерева, молясь в своём сердце чтобы все эти вспышки с кафедры не нанесли непоправимый вред приходу.

Настоятель достаточно хорошо знал, что самого его на кафедре никак нельзя было считать скучным. Он мог проповедовать против пьянства и распутной жизни так, что люди постыдно склоняли свои головы. Однако в сравнении с широтой Савония его слово было как мягкий западный бриз. Хуже всего было то, что Хенрик использовал очень колкие и немилосердно реальные примеры. Если он говорил о милости, он описывал множество бедняков таким образом, что люди могли представить, как кто-нибудь из многочисленных фермеров капитана покидает свой дом в три часа ночи с мешком зерна за спиной, что он как раб пашет в поле, что он должен зачастую без обеда трудиться чтобы, наконец, после тринадцати часов труда попасть на мельницу, и, забрав муку, возвратиться домой, продираясь с тяжёлой ношей пять километров через лес. Неудивительно, что после этого капитан всплывал в неприглядном свете, и что возникали разные революционные настроения.

Наконец, виски! Когда Савоний поднял эту тему, тут же пришла на ум яркая картина того, как крестьянин из Бакафола проснулся однажды осенним утром в придорожной канаве, вмёрзнув ногами в грязь. Кто-то услышал буйные крики крестьян из Сёрбигда, которые по пути домой из церкви заглянули в Свенхестерский бар и упились до такой степени, что проблевались прямо там, где сидели и их как тяжёлые кули вынесли под навес на улицу.

Всё это относилось к реальным прегрешениям, в которых можно тихо или в открытую обвинить практически любого человека. Но как относиться к его постоянным громким выступлениям против самых невинных маленьких украшений, которые носят женщины? На День всех Святых молодые леди, как обычно, плакали и утирались своими кружевными платочками. На это он устроил буйный и неожиданный разнос против рабов мира сего в своих шелках и сатинах; о тех, для кого кровь Иисуса была сладким ароматом, достаточным лишь чтобы разбудить сладкие волнения в сердце, и для кого Господни страдания не были ничем, кроме любовного театрального действия, предназначенного чтобы вызвать у зрителей слёзы; слёзы вряд ли сладкие, потому что они дают долгожданную возможность ещё раз показать пару красивых рук с тонкими и нарочито вышитыми платочками. Когда он проповедовал в следующий раз, большинство из этих молодых женщин не пришли. Осталась лишь Бабетта, дочь капитана, и ещё несколько, одетых в простые чёрные шерстяные платья.

Даже Хедвига, дочь настоятеля, очевидным образом изменилась. Она качала головой, часто отвечала уклончиво и отказывалась танцевать. Она даже больше не надевала мамины украшения, хотя они определённю не были слишком яркими. Очевидно, всё это было потому, что викарий не умел сдерживаться.

Тем не менее, в этот день в поместье было тихо. В другое время, как правило, люди постоянно приходили и уходили. Некоторые прихожане, и даже люди не из прихода всегда хотели видеть викария. А куда теперь он жил в северном крыле, он мог принимать частных гостей не беспокоя своего настоятеля. Теперь большинство визитов в дом священника никогда не проникали дальше северного крыла. Естественно, настоятель немного ревновал. У него самого было лишь несколько частных бесед за месяц. И всё же он честно пытался скрыть своё недовольство. Если люди хотят видеть викария, он не может принудить их придти к нему. Но он относился с подозрением

к существованию всех этих душевных проблем, которые возникли этой зимой; этой бесконечной погоней за советом от мальчишки, который год назад не знал разницы между сном во грехе и состоянием благодати. Могло ли происходящее быть чем-то большим, чем просто глупой духовной причудой?

Сегодня викарий был в отъезде. Он уехал в пятницу к капеллану во Фрожерум, к этому странному Линдеру. Линдер пригласил его погостить и проповедовать. По пути домой ему нужно было ещё провести домашнее наставление в Сёрбигде. А потому на целых четыре дня прекратились эти визиты странных гостей, которые сокращали свой путь по сугробам, как будто боялись встретиться на дороге с настоятелем.

Настоятель едва успел насладиться этой приятной мыслью, как со стороны села раздался звон бубенцов. Это говорило о госте. Настоятель размышлял: неужто опять кто-то приехал к Савонию? Если так, то он должен быть не из прихода; возможно, из Равелунды. Тогда он явился как раз вовремя. Настоятель проследит, чтобы тот не ушёл, не поговорив. Он попросит его зайти в дом, почитает с ним закон и если ему нужно наставление на пути к спасению, прямо направит его навестить пастора Варбека.

Затем он увидел сани. Дорога была хорошая, и они быстро приближались. До того, как он успел выйти, они свернули за столб у ворот и проскользнули так, что полозья ударились о противоположный столб. Они быстро миновали крыло и приблизились к главной лестнице в дом. И лишь когда сани поравнялись с окном настоятеля, он разглядел, что гостями были ни кто иные, как капитан поместья и молодой лейтенант фон Райхер из Бокшолма.

Настоятель вышел наружу поприветствовать гостей. Тщательно подбирая слова он пригласил их в дом, позвал Хедвигу и попросил её принести вино и выпечку.

Он вопросительно посмотрел на капитана, держащего в руке свиток документов.

— Чем обязан удовольствию видеть вас, друзья мои?

Капитан, расположившийся на диване, кажется, был немного смущён. Когда он заговорил, его голос зазвучал необычно громко и по-военному.

— Пожалуйста, поймите, пастор, что я приехал к вам с самыми тёплыми чувствами.

Однако дело невесёлое — подумал настоятель. Засунув руку в пиджак он тихонько кивнул и попытался принять одновременно сдержанный и любезный вид. Капитан продолжил.

— Франкли, друг мой, я не могу как верный гражданин короля делать что-либо иное, чем то, что мне надлежит. Я могу уведомить вас, Пастор, что вчера у нас в доме было очень серьёзное обсуждение. Был барон из Бокшолма, и молодой лейтенант, который со мной, который к счастью был дома в увольнении. Также совершенно случайно и очень удачно для нас у нас гостил пастор Варбек.

Настоятель наострил уши. Что это за тайный сговор у него за спиной? Капитан продолжил свой рассказ.

— Итак, после длительной и очень деликатной дискуссии мы решили навестить вас. Лейтенант может подтвердить, что то, что я рассказываю вам, разделяют все без исключения дворяне из прихода.

Лейтенант, который замкнуто и чопорно сидел в белом кресле, щёлкнул шпорами под креслом и кратко поклонился.

Настоятель уже почти догадался, в чём дело и подумал о том, чтобы задать обсуждению более благоприятный тон.

— Ну что ж, капитан, — сказал он, — вы сильно возбудили моё любопытство. Должно быть случилось нечто очень выдающееся, что достойно такого торжественного представления.

— Да, — кисло сказал капитан, — на самом деле, не до шуток. Уже с прошлой осени очевидны странные мысли среди людей в округе. Достопочтенные старые обычаи отвергнуты, уважаемые люди выставлены как безбожные преступники, в домах возникли разделения, а невинные и полезные занятия подверглись самым яростным нападкам. И источник всего этого, по мнению всех, этот бесстыжий пустозвон викарий.

Настоятель приподнял руку.

— Успокойтесь, капитан. Давайте отложим наши суждения до тех пор, пока всё не выясним. Лучше всего прямо сейчас позвать викария.

Лейтенант выдал себя, испуганно посмотрев на капитана. А настоятель невозмутимо продолжал:

— Но, к сожалению, он на какое-то время уехал, а потому нам предстоит обсуждать предмет в его отсутствие. И покада я понимаю, что выдвигать обвинения против человека в его отсутствие ниже вашего достоинства как военного, я берусь защищать доктора Савония.

Вы, друг мой, будете обвинителем, а лейтенант, возможно, будет вашим помощником

Зашла Хедвига с подносом. Все затихли. Лишь настоятель непринуждённо болтал, выполняя роль гостеприимного хозяина. Он был всегда в хорошем настроении, когда напрягались нервы. Когда все попили своё вино и выпечку, он продолжил:

— Предмет нашего обсуждения, насколько я понял, касается определённых проступков Савония. Желает ли обвинитель вынести обвинительное заключение?

— Оно здесь. Вы можете сами прочесть его. Только — прошу вас — поаккуратнее с ним. Его нужно послать кафедральному капитулу.

У настоятеля закружилась голова. Неужели всё зашло так далеко? Безо всяких предупреждений! Почему они не посоветовались с ним об этом?

Он с трудом закончил чтение. Это было с умом составленное прошение от части значительного числа людей из прихода Одесйо, которые были наиболее ревностны в сохранении благополучия Церкви Христовой, которые просили, чтобы преподобный викарий Хенрик Самуил Савоний был специальным назначением кураторов от первого мая отстранён от прихода, в котором его неумное рвение, его фанатизм и притворная манера проповеди привели к большому смятению и беспорядку. В качестве примера такого беспорядка просители просто пожелали сказать, что слава о его зажигательных проповедях, распространившаяся по епархии привела к такому стечению народа, что церковь оказалась переполненной, а атмосфера — отравленной, что церковные конюшни были забиты лошадьми людей из других приходов, что благопристойное служение было под угрозой, и наконец, что всё это влечёт за собой риск эпидемии.

«Более того, чувство чести требует, чтобы кафедральный капитул не обошёл вниманием то, что проповедям Савония не хватало христианской сдержанности. Так, он описывал уважаемых и безупречных граждан с очень малой христианской любовью, называя их эксплуататорами и рабовладельцами. Он серьёзно осудил такие невинные аксессуары женского туалета, как платочки, перья, украшения и ожерелья. Он разжег распри, которые привели к разделению семейных пар и к раздорам между соседями. Наконец, он злоупотребил кафедрой, атакуя землевладельцев, которые настаивают на своих законных

правах продавать путникам виски и другие освежающие, полезные и всеми любимые товары».

Настоятель сразу понял, что последнее предложение мило и многословно говорило о пьянстве на дорогах к церкvi.

Сообщение завершалось предложением, что спокойствие этого изначально тихого и законопослушного общества лучше всего могло быть восстановлено смещением этого человека, чьё христианское рвение нельзя отрицать, однако его революционные идеи могли привести к тёмным заблуждениям с печальными последствиями.

Настоятель уже закончил чтение, но всё ещё продолжал смотреть на документ. Он хотел выиграть время. В голове у него возникали различные идеи. Это прошение не должно было попасть к кафедральному капитулу. Оно могло загубить всё будущее Хенрика. Оно было достаточно лживым, чтобы навредить его репутации, и в то же время достаточно правдивым чтобы его можно было подтвердить объективными свидетельствами. Бедный Хенрик в самом деле подставил себя под удар. И теперь наступал час расплаты.

Настоятелю показалось, что он может сказать, что он сможет как-нибудь обойтись без викария в грядущий церковный год. В этом случае Хенрика можно перевести без всякого шума и крика, и безопасно для его карьеры, а паства, без сомнения, осталась бы довольна. Это было бы безболезненное решение, за исключением, разве что, его самого. Потому что в последнее время ему было очень трудно справляться со своими обязанностями. Кроме того, несмотря на всё, расстаться с Хенриком было бы нелегко. Он искал другой выход из ситуации.

Капитан вдруг нарушил тишину.

— Я уверен, что вы понимаете, пастор, что мы чрезвычайно сожалеем о том, что нам приходится выносить это болезненное прошение.

— Не сомневаюсь — холодно ответил настоятель. Он заметил кислую высокомерную гримасу лейтенанта.

— Я уверен, что мы все желаем, чтобы этот вопрос был решён без публичного скандала, — продолжил капитан. — У нас есть предложение, и мы хотим, чтобы вы его обдумали.

Настоятель вопросительно посмотрел на него.

— Мы предлагаем, чтобы вы сами, размышляя о лучшем будущем прихода, попросили о новом викарии. Причину придумайте сами. Мы

совершенно не желаем дискредитировать молодого человека перед церковным начальством; мы лишь хотим удостовериться, что опасность, которая грозит задушить всё простое и искреннее христианство в нашей общине, исчезнет.

Настоятель ощутил, как в нём поднялась волна негодования. Ну, это уж слишком! Видеть этого старого развратника и бабника, который лицемерно изображает честное рвение к чистому христианству, в то время как единственное, чего он на самом деле желает — это избавиться от чистосердечного критика, который затронул некоторые действительно больные части всей феодальной системы, и который зажёг несколько язычков Духа посреди культурной тьмы поместья...

Настоятель резко посмотрел на своего гостя.

— Я бы посоветовал вам, мой дорогой друг, не отправлять это прошение кафедральному капитулу. В существенной мере оно основано на очевидных непониманиях. Никто не будет отрицать, что др. Савоний страдает неумным рвением, особенно в отношении внешнего вида и одежды. Но никто также не будет отрицать и того, что многие из его обвинений направлены на то, что несовместимо с искренним христианством, и я сам тоже хотел проповедовать об этом. Пьянство на дорогах, ведущих к церкви, это скандал и позорное нарушение Субботы; воздержание в целом было бы намного лучше, чем то, как происходит сейчас. Что касается разговора о тяжкой доле арендаторов и подчинённых, я и сам считаю, что когда это говорится в доме Божиим, никто не должен сердиться и протестовать, но лучше идти домой и исследовать своё сердце и жизнь. Когда бросаешь палку в свору собак, взвизгивает та, которой прилетело, и когда Слово Божье верно проповедуется среди грешников, оно большее всего ударяет по той совести, которая больше всего в этом нуждается. У меня тоже есть арендаторы, капитан, и я должен сказать, что в это конкретное воскресенье я посчитал нужным исследовать себя перед нашим Господом. И не всё, что я нашёл, было безвинным.

Капитан вспыхнул. Исповедь настоятеля задела его за живое. Он чувствовал, что обсуждение приняло опасный поворот перейти на личности, а потому поспешно выложил своего второго козыря.

— Я не хочу спорить, и я никогда не был силён в богословии. Но когда дело касается Савония и его проповеди, на моей стороне есть такие хорошие богословы как Варбек и Хаверман. Они тоже выдвинули наиболее серьёзные возражения против Савония и его неумного

рвения. Они уже подготовили сообщение для кафедрального капитула. Кстати, у меня с собой есть копия. Думаю, вам было бы интересно взглянуть.

Настоятель с заметным недовольством взял новое письмо. Всё это больше и больше походило на настоящий тайный сговор, и это было самым неприятным в этом деле. Что подумает новый епископ? Петиция от нескольких офицеров может быть опровергнута решительным заявлением от настоятеля; но если пастыри двух соседних приходов поддерживают его собственных прихожан, что подумает об этом епископ? Разве он не подумает, что старый Фалтин совсем одряхлел, куда вообще ничего не сообщил о нездоровых обстоятельствах, которые привели к беспорядку в общине и даже затронули другие общины?

Что ж, посмотрим, что говорят его почтенные коллеги... Он просмотрел письмо.

Это были не мелочи. Викарий из Одесйо стал причиной фанатичной схизмы, которая угрожала всем традиционным религиозным обычаям. Он совершал необоснованные домашние службы вне обычных церковных богослужений. Это было прямым нарушением королевского приказа от 1726г, который запрещал такие собрания. Он привлекал к этим собраниям не только своих заблудших овец из прихода Одесйо, но и людей из соседних общин. Хотя крестьянство в этой части провинции было известно своей честностью и прямоотой, Савоний скандальным образом обвинял их в том, что они духовно слепые, греховные и пропащие. Если кто-нибудь следовал его обманчивым советам, это приводило к тому, что он отделялся от других, одевался в самую простую и невзрачную одежду и отказывался присоединиться к невинным общественным собраниям и обычаям, принятым в обществе. В связи с этим озабоченные коллеги настаивают на том, чтобы капитул принял меры против названного беспорядка, призвав людей отвергнуть всякие иные религиозные обычаи, кроме тех, которые традиционны, и запретил Савонию в будущем говорить и делать то, что противоречит требованиям его высокого служения.

Настоятель глубоко задумался. Это и в самом деле было намного серьезнее. Хаверман был энергичным человеком, уважаемым кафедральным капитулом за своё рвение в продвижении публичного образования и за свой ум. Он был явным либеральным богословом, что, несомненно, и было истинной причиной его интереса к этому

вопросу. Савоний проповедовал на последнем собрании пасторов, созванном для избрания епископа. Настоятель считал, что это было очень неплохо, и что он говорил в правильном лютеранском стиле, однако его пасторы-приятели, и особенно Хаверман, отнеслись к этому очень критично. Неужели можно, утверждали они, после целого века просвещения всё ещё говорить об искуплении в такой нецивилизованной манере? Неужели культурный человек может терпеть всё это учение об очищении от греха кровью Христовой, в то время как каждый, несомненно, знает, что единственное искупление, которое возможно перед Богом, заключается в следовании святому учению и примеру Иисуса в добродетельной жизни?

Это привело к большому конфликту, в который настоятель безуспешно пытался вклиниться. Хаверман рассматривал Савония как изменника, как мракобеса, который попытался потушить свет, который начал сиять в последнее время, и который хотел вернуть церковь обратно к предрассудкам ортодоксии. Он считал, что теперь пришло время обезвредить этого мракобеса.

Капитан внимательно смотрел на настоятеля. Он видел, что его последний ход был эффектным. И теперь от вытасил своего туза.

— Я хочу, чтобы вы знали, что принимая во внимания эти — я бы сказал, сомнительные — выводы для вас лично, я уговорил священников повременить с тем, чтобы отправлять это письмо капитулу — естественно, при условии, что я буду уверен в том, что Савоний покинет это место. Если же он остаётся, я ничем не смогу помочь: пусть всё идёт своим чередом.

Настоятель больше не придерживался дружелюбного тона. Его пытались запугать. И теперь у него не было никакого желания идти на компромисс. Если он отпустит сейчас Савония, это может быть воспринято как бегство перед лицом опасности. Настоятель Фалтин никогда не убегал от опасности, и ныне тоже не собирался. Он встал, держа бумаги в руке.

— Благодарю вас, джентльмены, что вам безразлично моё благополучие, но я не могу в точности согласиться с вашим видением вопроса. Я глубоко доверяю доктору Савонию и сожалею о его ошибках больше, чем кто-либо. Если сейчас его выгонят из прихода, это не принесёт пользы ни епархии, ни ему самому, поскольку в другом месте с ним повторится то же самое. Также я думаю, что это не приведёт ни к чему хорошему и в нашем приходе, поскольку я считаю, что это

вызовет серьёзный беспорядок среди тех, кто подверглись его влиянию. То, что вы, джентльмены, называете беспорядком, всё же в большей части радует меня и однажды это станет настоящим сокровищем для людей, если кто-нибудь поймёт, как верно направить его. Но я слишком стар, а новый викарий никогда не смог бы навести порядок. А потому я убеждён, что никак не могу быть причиной отставки Савония, если только он сам не захочет уехать. А теперь, чтобы показать моё величайшее почтение вашим рекомендациям, капитан, — он приветливо поклонился в сторону дивана, — я прошу вашего согласия оставить эти бумаги. Сегодня вечером я ознакомлю Савония с их содержанием. Если он посчитает необходимым покинуть Одесью, я попытаюсь, чтобы это случилось без лишнего шума. Завтра утром я верну вам эти бумаги и объявляю моё решение. Скальд! И спасибо вам за вашу искреннюю человечность и ваше бескорыстное рвение о благе прихода.

Настоятель выпил бокал с ироничным блеском в глазах. Лейтенант не заметил этого — он играл свою роль с непоколебимым достоинством, но капитан тоже решил промочить горло. Их бокалы соприкоснулись. Капитан пожалел о том, что нужно было уже уходить, лейтенант звякнул своими шпорами, и, звеня бубенцами, сани исчезли по направлению к селу.

* * *

Мелкие причины, крупные последствия, — думал настоятель, задумчиво глядя в окно. Разве мог он предвидеть что-то подобное, когда посылал Хенрика с тем судьбоносным поручением к больному? Неужели его бедный Одесью станет предметом скандальных сплетен в епархии, а Хенрик будет осуждён как «евангельский кретин»? Бог действует неведомыми путями. Если бы только он мог быть ближе к Хенрику! Но их разделяла невидимая стена. Он испытывал почти ревность к этому нелепому Линдеру, который стал настоящим другом Савонию, хотя и был старше его на десять лет.

Хедвига вернулась за подносом. Она научилась не задавать лишних вопросов. Так и теперь, она сохраняла молчание, но всей своей сущностью являла простую, сильную и жалобную мольбу. Она выглядела так беспомощно в своей подчёркнутой манере, что настоятель смилостивился над ней.

— Они говорили злое о Хенрике, — сказал он. — Как я и подозревал. Ему в самом деле стоило бы убавить самонадеянности и не про-

являть такой суровости в суждениях с кафедры. Теперь они думают пожаловаться кафедральному капитулу, что он создаёт распри и разрушает церковный порядок.

Хедвига замерла. Поднос задрожал в её руках.

— Успокойся, дитя моё, — поспешил добавить настоятель, — я как и прежде верю в Хенрика. Я буду защищать его, буду кусаться и царапаться за него, если потребуется.

Застенчивый и благодарный взгляд был её единственным ответом. Она продолжала стоять.

— Чего ты хочешь, дитя моё?

— Отец, они же не уберут его, правда?

— Положись на Бога, Хедвига! Предоставь это Ему.

Вдруг он добавил:

— Ты должна научиться доверять Ему настолько, Хедвига, чтобы осмелиться снова надеть на себя мамину брошь, как ты всегда надевала её с этим платьем. Ты должна настолько доверять Иисусу, чтобы знать, что твоё спасение зависит только от Него.

— Я знаю это, отец.

— Нет, дитя моё, ты не знаешь этого. Если бы ты знала, ты бы ни за что не поверила в то, что Он стал менее милостивым Спасителем от того, что ты надела брошь, которую твоя мама получила на десятую годовщину свадьбы, и которую она продолжала носить четырнадцать лет в доброй совести и искренней вере.

На глазах Хедвиги навернулись слёзы. Настоятель смягчился.

— Ты должна понимать, дорогое дитя, что это запутанное дело, и что нам нужна вся помощь Божья чтобы разобраться в нём. Это значит, что мы не должны рассеивать внимание по мелочам. Мы должны верить, и мы должны молиться в вере. А потому — ступай в свою комнату, возьми мамину брошь и скажи Спасителю: «Я так сильно ценю Твою милость, Господи, что я осмелюсь носить это украшение, как и моя мама носила». А потом помолись за меня и за Хенрика, чтобы Бог направил нас по верному пути. Нам очень нужна сейчас такая молитва.

Хедвига присела и исчезла со слезами на глазах. Через несколько мгновений её шаги раздались со стороны чердачной лестницы. Что ж, слава Богу, значит, не было ничего плохого с «беспорядком» в Одесью, куда дочь, отвергнув все капризы всё ещё слушала своего отца.

* * *

Сани скользили над камнями по узкой лесной дороге с острым скрежетом и глухим стуком. Была оттепель, и полозья прорезали неплотный снег. Эта пустынная дорога никогда не была удобной для путешествий зимой.

Капеллан Фрожерума держал поводья. Его задачей как хозяина было довести гостя-проповедника через лес до Дрянгсмаркена, куда позвал его местный священник из епархии, чтобы решить кое-какие вопросы, а затем отвезти его назад в Одесью. Конечно, ямщик из Фрожерума тоже мог бы выполнить эту задачу, но у капеллана были личные причины самому взяться за это дело. Каждый час, проведённый вместе с этим молодым коллегой был для него праздником.

Небольшая миссия во Фрожеруме, где служил капеллан, была одним из самых заброшенных приходов в этой лесистой деревенской епархии. Когда Юстус Йохан Линдер поселился здесь, после множества неприятностей, связанных с продвижением по службе, он постоянно думал об этом как о некоей ссылке. Линдер не то, чтобы был бездарен. Он проповедовал с сердечностью, если не сказать, со страданием. Где бы он ни служил vikarием, везде было удивительное увеличение посещаемости богослужений, но, к несчастью, там же случались и разногласия, конфликты и жалобы. Его самым большим несчастьем было то, что он говорил больше, чем намеревался, причём в самые критические моменты. Дважды он получал замечания от капитула, и множество раз его отказывались включить в список кандидатов, когда возникали какие-либо вакансии. И вот однажды, когда среди его слушателей был настоятель Дин Дубб, его угораздило напасть на ораторское искусство проповедника, которым порой так любил блеснуть настоятель. Он сравнил такой стиль проповеди со старыми, пыльными цветами, с пустыми винными кувшинами и засохшими букетами, с такой вестью, которая никогда не произведёт живое семя.

Всякий раз, когда он говорил проповедь об испытаниях, у него как будто беспричинно что-то срывалось. Рассказывали такой случай в Альверуме, когда он просто стоял и молчал на кафедре, пока в церкви не воцарилась мёртвая тишина. И после этого он сказал: «Несомненно, что когда вокруг такая тишина, становится тягостно, и из-за вас, мои дорогие прихожане Альверума, уже долгое время такая тишина стоит в небесах, где уже много лет ни один из ангелов не может

запеть и возрадоваться хотя бы об одном грешнике из общины, который бы покался и обратился».

Одевался Линдер тоже странно. Он никогда не носил парик, как другие культурные люди, и был всегда одет в чёрное, а его управляющий был настолько же беден, как любой крестьянин. Его проповеди были столь же длинные, как и непредсказуемы. Однако после первого года разногласий его прихожане начали понемногу внимать его проповеди покаяния, и этот коренастый и грубый человек со сверкающим взором стал духовным авторитетом в этом лесном округе. После своего обращения Савоний искал у Линдера совета, и с тех пор они стали часто встречаться. По особняку поползли слухи, что викария настоятеля видели бегущим по пыльной дороге воскресным вечером, и что когда затем кто-то ради шутки спросил его, куда это он так быстро мчался, он ответил: «к капеллану во Фрожерум, за порохом и пулями, чтобы завтра утром кое-чем выстрелить в вас, жестокие похитатели благодати».

* * *

Сани уже пересекли границу прихода, и разговор о знаках истинного сожаления о грехе сменился разговором о будущем духовного возрождения. В этом вопросе Савоний был оптимистом. О том, что произошло за последний год он не смел даже мечтать. Казалось очевидным, что нивы настолько созрели, что осталось лишь собрать урожай. Часто случалось, что люди приходили издалека только потому что однажды они встретили одного из возрождённых из Одесйо. Было ясно, что стремление к спасению прорвалось из таких глубин, которые раньше казались недосягаемыми.

Линдер был более скептичен. То, что у Савония был дар расшевелить эти застоявшиеся духовные воды в Одесйо было, безусловно, хорошо, однако на дне всё ещё оставалось много мути, которая скоро могла проявить себя. И в этой мути жила мерзкая рыба. Он был уверен, что его собственный уважаемый начальник, Варбек из Равелунды, был одним из тех, кто безусловно всплывёт и нанесёт удар, как только представится удобная возможность. А паства будет ему аплодировать. Покуда венерические болезни прокрались в дома и особняки, оттуда вряд ли стоило ожидать искреннего христианства. Хотя они сетовали внешне за церковные обычаи, их сердца были далеки от Евангелия. У них было не больше интереса к спасению, чем могло быть у Горация или Руссо. Немного пустой риторики, пара фраз

о добродетели — это они ещё могут проглотить, но не более того, что любой приличный обыватель уже и раньше знал. Жертва и простота также вполне терпимы, если они присутствуют в цитатах из Марка Аврелия и ни к чему не обязывают. Но если кто-нибудь призовет их во имя Иисуса отвергнуть себя и взять крест, его тут же не моргнув глазом осудят как пиетистского проповедника и врага всей человеческой культуры.

Он плюнул через борт саней. Здесь деревья стояли менее густо, а дорога поднималась в гору. С вершины можно было разглядеть поля Сёрбигда, лежащие между полосками леса.

Дрянгсмаркен был первым поселением на этой стороне границы. Там проходили домашние наставления. Как только они свернули с деревенской улицы, группа мужчин, которые уже ждали снаружи дома сняли кепки. Кто-то увёл лошадь, и двое пасторов вошли в жилую комнату, где всё уже было приготовлено к их приходу.

Перед очагом, изогнутый навес которого простирался к потолку, стоял тяжёлый деревянный стол и старое кресло с высокой и прямой спинкой. Это было место для пастора. Список катехуменов лежал на столе. Мужчины сидели на длинных скамьях слева, а женщины занимали лавки справа. Молодёжь и дети толпились на полу, где из-за холода они сидели на одеялах. Их светлые головы сияли как созревшие нивы на фоне тёмных одежд старших.

Савоний возрадовался этому знаку. Он вспомнил слова Спасителя: «возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве». Он начал с пения гимна «Иисус — моя радость, моё всё», после чего он вознёс тёплую молитву за общину, за их фермы и дома, за бедных и нуждающихся, за пропавших солдат, за поля и скот, за избавление от разорения от русских, и за первое и окончательное спасение душ, чтобы случилось истинное пробуждение к покаянию и истинная вера в возрождение и освящение в Духе. Наконец, он помолился о тех, кто пришёл для научения, чтобы подобно тому, как их имена записаны здесь, они также были записаны и в книге жизни в небесах.

Затем он развернул список и отметил присутствующих. Читая их имена пастор думал с тихой радостью о том, как после его опыта обращения он стал частью этих людей, их домов и соприкоснулся с новым и чудесным жизненным опытом и человеческими судьбами. Год назад все эти мужчины и женщины были лишь мёртвыми именами на

аккуратно разлинованной бумаге. Ныне же он видел лица и судьбы почти под каждой строкой. Многие из этих людей были в поисках; со многими из них он беседовал об их душевном состоянии и проблемах, а потому он довольно хорошо знал конфликты и скрытые трагедии также и в этой части прихода. Читая список он иногда справлялся о здоровье упомянутого человека, или о том, удалось ли ему купить дом с участком — и он чувствовал, что стал единым с этими людьми через тысячу невидимых нитей признания и симпатии.

Экзаменация проходила гладко. Настоятель был хорошим педагогом, и он научил свой приход катехизису настолько тщательно, насколько было нужно. Члены каждого семейства по очереди выходили вперёд и стояли группой у стола. Савоний продолжал свои объяснения и задавал заранее обдуманнные вопросы. Когда катехизация закончилась, он попросил Линдера завершить. Капеллан объяснил третий Член Веры и поговорил о совершенно других вопросах, таких как перья на шляпах, лжепророки, препятствия к причащению и тихие пьяные собрания вокруг бутылки виски.

Затем Савоний сказал проповедь об истинном покаянии по тексту Галатам 6:7. После этого было пение гимна, а затем он произнёс благословение и пожелал собравшимся мира Господня.

Первыми ушли молодые люди, за ними последовали несколько старших. Но значительная часть людей задержалась. Они поднялись, но продолжали стоять в коридоре или группками в комнате, не решаясь выйти.

— Вы знаете, друзья, что в этом году не будет чаепитий, — сказал Савоний. — Настоятель настаивает, чтобы во время наших занятий их не было, чтобы это было в другое время. Нам стоит повременить с этим.

Йонас, фермер из Бакгардена, ударил себя кулаком в грудь и сказал:

— Человеку следует жить не хлебом единым, но всяким словом, исходящим из уст Божиих. И мы должны желать, чтобы именно такой хлеб был у нас с великим избытком. У нас есть ещё пара вещей, о которых мы ходим поговорить, особенно сейчас, когда с нами целых два пастора.

— Что ж, тогда снова присядем, — сказал Линдер, нимало не удивившись такой просьбе. — Пожалуйста, садитесь вокруг стола.

Несколькими жестами он рассадил группу полукругом. Ещё две лавки передвинули вперёд и круг стал двойным.

На улице начинало темнеть, и хозяйка зажгла на столе две свечи. Их тусклое пламя боролось с серым полумраком февральского вечера, который с трёх сторон захватил комнату. Свет падал на серьёзные лица вокруг стала.

— Начнём с начала, — сказал Линдер. — Что больше всего препятствует спасению в этой общине?

Он наклонился вперёд сгибая руки и опираясь на стол локтями.

Ответов было много. Были упомянуты бренди, греховные мысли, духовная леность, мирские заботы, вождение к деньгам. Да, и ещё судебная тяжба о Бьякафальском болоте.

Линдер руководил беседой, будучи ветераном в подобном деле. Тяжба и пьянство были грехами самоудовлетворения. Их надлежало отвергнуть перед тем, как принять животворящую благодать. Другие грехи были врождёнными по самой природе человека. Они могли оставаться как желания и в обращённом человеке, но тот должен храбро противостоять им. В данный же момент крайне важно было покончить с этой судебной тяжбой между соседями. Линдер выяснил истинные причины непонимания с помощью нескольких вопросов и был готов дать совет. Йонасу следовало отказаться от своих требований, покуда он неплохо жил и без этого куска торфяника, а бедный арендатор, который, кстати, содержал много маленьких детей, мог выиграть это дело, но ему нужно было избавиться от сердечной обиды. Если бы Йонас добровольно отказался от своих требований, можно было бы вернуться к упрямому Ефраиму из Суннербослятта, который был настоящим зачинщиком этой тяжбы, чтобы он отказался от своих собственных притязаний к арендаторам на своём болоте. Фермер жил между двумя фермами, и обе требовали с него плату. Таким образом, Йонасу следовало на следующий день поговорить с Ефраимом и прийти к согласию. И более того, важно, чтобы каждый остерегался проявлять столь сильную заботу о своей чести или деньгах, что из-за этого подвергался опасности потерять Иисуса.

По ту сторону стола раздался вопрос к Савонию:

— Разве не должен истинный ученик продать всё, что имеет и раздать бедным?

— Я много раз задавал себе этот вопрос, — немного туманно сказал викарий. Он чувствовал угрызения совести из-за своих пре-

красных книг, и не знал, что ответить. Но Линдер, который никогда не мирился с неискренностью в отношении Слова Божьего, быстро прервал его.

— Закхей не сделал этого, когда стал истинным учеником. Господь должен быть хозяином всего, но у Него должен быть кто-то, чтобы управлять Его собственностью. Горе тому, кто тратит Божьи деньги на роскошь и суету, чтобы удовлетворить похоть очей и набить желудок. Но, с другой стороны, Божьи деньги нельзя легкомысленно отдать. Дайте Богу управлять сердцем; и Он будет управлять также фермой и деньгами.

— Как можно вернуть нажитое нечестным путём, если владелец умер? — прозвучал следующий вопрос. Савоний с изумлением посмотрел на этого человека. Неужели этот человек вот так открыто признаёт, что он вор?

— Тот, кто может, должен возместить кражу во всей полноте. Но если владелец умер, деньги можно отдать бедным или тому, кто невиновно пострадал.

Человек задумчиво кивнул.

— А как насчёт человека, который не может заплатить? — спросили с другого конца стола.

— Он всё же получит божье прощение, и должен просить о прощении человека, у которого украл. Ещё было бы мудро поговорить об этом с вашим пастором.

Следующий вопрос задала хозяйка дома, где они расположились:

— Насколько велико должно быть сожаление о грехе, чтобы считаться искренним?

— Настолько велико, чтобы человек желал покончить с этим грехом, — кратко ответил Линдер. — Крокодиловы слёзы на небесах ничего не значат. Но истинно сожалеет тот, кто желает освободиться от греха, даже если его сердце при этом твердо, как камень.

Вопросы становились всё более и более свободными. Дочь с соседней фермы осмелилась спросить о том, что её тревожило.

— Как кто-то может быть уверен в том, что Дух Божий призвал его?

Савоний на мгновение задумался. Пролистав список имён чтобы узнать, кто спрашивает, он ответил.

— Кристина Йонсдоттер? Твоё имя есть в списке крещёных. Ты призвана Самим Богом. И никогда не сомневайся в этом!

— Но если он ничего не чувствует?

— Тогда Бог чувствует это намного сильнее.

Она покраснела, но больше ничего не сказала. Затем раздался другой голос.

— Насколько часто нужно приходить к Вечере Господней?

На этот вопрос ответил Линдер.

— Это прямо зависит от того, как ты задаёшь этот вопрос. Если ты спрашиваешь, как часто ты *должен* приходить, это может говорить об упрямом сердце, которое желает купить милость Божью как можно дешевле, и не желает на самом деле быть с Иисусом. Если это так, тебе нужно молиться Богу о том, чтобы Он обратил тебя. Если же, с другой стороны, ты спрашиваешь о том, как часто тебе *нужно* приходить, наш Господь отвечает «так часто, как ты приходишь», и это означает, что тебе нужно делать это чаще, чем подавляющее большинство, которые причащаются четыре раза в год просто для порядка. И наконец, если ты спрашиваешь, как часто ты *можешь* приходить, ты являешь праведный голод о милости, и мой ответ тогда: приходи с радостью к Господу так часто, как сможешь. Но только не пренебрегай подготовкой!

Постепенно стали подниматься всё более общие вопросы, главным образом о дурных намерениях к ищущим душам в приходе. Чувствовалось, что самый сильный ветер противоречий дул со стороны паствы, слабый из поместья и средний из Салеби. Лишь на другой день старый Щенстедт снизошёл аж до того, что слегка похвалил своего садовника, почтенного Арона.

— Ты не такой, как другие пиетисты, — сказал он. — Ты женат, и можешь в любое время распевать весёлые песни. Если ты обещаешь воздерживаться от излишеств и покажешь умеренность также в христианстве, я прямо сейчас дам тебе пол-барреля ржи. Умеренность должна быть во всём.

Арон ответил ему:

— Оставь свою рожь при себе, Барон, потому что то, что ты требуешь, слишком трудно для меня. Разве *умеренность* не означает, что мера должно быть верно отмерена? А верная мера христианства в том, чтобы любить Бога всем сердцем своим, и ближнего своего, как самого себя. Я слишком далёк от того, чтобы смочь измерить это.

Барон засмеялся, и всё же передал пол-барреля ржи. Никто не мог упрекнуть Барона Щенстедта в недостатке великодушия.

Собрание продолжалось. По мере того, как снаружи сгущались сумерки, окна темнели. Пришло время закругляться. Они спели гимн. Затем Савоний произнёс вечернюю молитву и попрощался с людьми и с Линдером.

Когда он был уже почти на пороге в своей меховой шубе, ожидая ямщика из епархии, чтобы тот впряг лошадь в сани, один из оставшихся крестьян попросил поговорить с ним с глазу на глаз. Савоний снова зашёл в комнату.

— Я только хотел сказать, — промолвил крестьянин, — что я лишь сейчас понял, что против вас строятся какие-то злые козни в поместье. Вчера фон Райхер, барон Щенстедт и Варбек были там, и сегодня утром капитан сказал, что если вы по собственной воле не покинете приход, на вас пожалуются кафедральному капитулу. Вчера поздно вечером они подготовили какое-то письмо и все подписались под ним, кроме Барона Щенстедта, которого они обвинили в том, что он не с ними.

Эта новость на мгновение лишила Савония дара речи. Затем он прокричал через дверь:

— Линдер! Линдер!

Хозяйка из кухни заметила, что капеллан уже ушёл. Савоний не знал, что делать.

Двое или трое других присоединились к ним. Они, очевидно, были в курсе ситуации, и их отношение к этому было весьма определённым.

— Бог поможет Своему свидетелю, — сказал один из них. — Но вы должны пообещать нам кое-что, Пастор.

— Что же?

— Что вы не покинете нас.

— Это не моё решение; это будет решать капитул.

— Но если у вас *будет* возможность остаться?

— Тогда я останусь.

— Вы обещаете, Пастор?

Савония взволновало их участие. Неужели он и в самом деле настолько нужен здесь? Тогда ему безусловно нужно остаться на посту.

— Да, обещаю, — сказал он. — Если мне позволят остаться в Одессе, по своей собственной воле я не буду просить о новом назначении.

— В таком случае Бог, безусловно, сохранит верного пастыря для своего маленького стада, — с искренней радостью сказал крестьянин.

Сани остановились у двери. Савоний беспокоился о том, чтобы не опоздать домой, а потому быстро попрощался со своими друзьями.

— Помните, что вам всегда рады в усадьбе, — сказал он, посмотрев особенно на того человека, который спросил, как кто-то может принять прощение даже хотя он не может восстановить то, что украл.

Полностью стемнело. На мрачном небе не было звёзд, и казалось, что оно сливается с тёмным лесом. Лишь когда они добрались до открытых полей, стала видна слабая граница света. Когда они достигли большой дороги, сани ускорились, и ямщик, который желал поскорее добраться до дому, отпустил поводья.

Савоний плюхнулся на сиденье. Его думы были невеселы. Конечно, он проповедовал с остротой, но никак иначе нельзя было пробить безразличие и пробудить страх об их положении. А теперь были те, кто, выслушав его, устроили против него заговор. Что же такого они нашли, что капитул мог признать как обвинение?

Лошадь замедлила ход. Они доехали до Ваннеберги, и сани с трудом скользили по деревенской улице. Савоний помнил тот ужасный ноябрьский понедельник, когда сумасшедшие фермеры из этой деревни, возвращаясь из церкви, всю ночь пропьянствовали в Синкане и Свенхестере, а потом им пришла в голову дикая мысль устроить горки на санях, несмотря на то, что почти весь первый снег за ночь растаял. В то утро он ехал навестить больного, и встретился с ними на холме по другую сторону деревни. Лошади были в пене и крови на удилах а их потные спины были исхлестаны плетью. Он выпрыгнул из телеги и с дикой яростью побежал к ним. Первые сани остановились. Над ним нависло слюнявое, обсыпанное табаком лицо, и проклятый пьяница в следующий момент дал ему почувствовать на своей спине и плечах острый удар кнута, подобного свёрнутой змее. Он нёс на ремне набор для причастия, а удар кнута сломал замок, так что две половинки раскрылись, явив красную обивку, которая сияла, как кровавая рана. Буквально чудом ему удалось поймать серебря-

ные сосуды, чтобы они не упали в дорожную пыль. В следующий момент он обеими руками поднял чашу, и, встав перед санями, закричал: «Давай, продолжай! Это чаша Господня, которую ты оскорбляешь и святая кровь Иисуса, которую ты смешал с грязью!» Крестьянин окаменел, как статуя. Он уставился на него налитыми кровью глазами и вдруг понял, что же он натворил. Затем всё его тело начало трясти, он упал с саней лицом вниз и зарыдал, как дитя. Ему пришлось помочь взобраться назад. Три дня спустя он пришёл в поместье. Так начиналось возрождение в Сёрбигде.

Неужели можно подумать, что кафедрального капитула попросили вмешаться, чтобы всё вернулось на круги своя, как в старые добрые времена с пьянством, проклятьями и жестокостью к животным! Безусловно, ни один капитул в мире не был настолько слеп, чтобы принять решение *против* Божьего дела возрождения! Безусловно, христиане, знакомые с реальным положением дел, которые были в большинстве, не стали бы выступать за эти проклятые азартные игры, идолопоклонство и бедствия под дурманом!

* * *

В общей комнате дома священника и в кабинете настоятеля горел свет. В прихожей Савония встретил настоятель, идущий с одной стороны, и Хедвига — с другой. Настоятель поприветствовал его с необычной теплотой, а Хедвига пригласила его поужинать.

За столом первым делом настоятель спросил его о новостях с юга. Как там поживает Линдер?

Савоний мог бы сказать, что капеллан Фрожерума был в игривом настроении. Он помирил чиновника и трактирщика; противному старику из Свинсйо выло вынесено предупреждение от церковного совета, фермер в Лидене счастлив, потому что женился на своей хозяйке, а двоих пьяных фермеров, которые пытались остановить его сани однажды тёмной ночью на мельнице Энеберги, он выставил за забор. Мелкие фермеры всё чаще и чаще всерьёз задумывались о действительно необходимом. Но из свободных землевладельцев по-прежнему лишь очень немногие становились частью царствия Божьего.

Савоний говорил путано. Он явно желал обсудить кое-что другое.

— А как дела в Дрянгсмаркене?

— Ну, людей было много, но никаких особых вопросов не было. Это было очень тихое собрание; ответы были разумными и пока-

зывали весьма заметную духовную зрелость и опыт. Вдова Кристина чувствует себя лучше; фермера из Бакгардена призвали на военную службу; мороз стоял сильный, однако осенний урожай ржи вне опасности.

Настоятель дивился своему викарию. Таким разговорчивым он не был уже очень давно.

— Тебя не звали под каким-нибудь предлогом в поместье?

— Я думаю, позовут, сэр. Я так понимаю, у них вчера было собрание. Где они решили содействовать высшим интересам церкви Божией.

— То есть ты уже всё знаешь?

— Только догадки. Они были здесь?

Настоятель кивнул.

— Но сперва поедим, — сказал он.

* * *

В кабинете настоятеля огонь всё ещё пылал в красиво украшенной печи. Настоятель жестом пригласил Савония сесть на диван. Первым делом он достал документ от капитана.

— Вот, что они приготовили, — сказал он.

Викарий читал. Тень прыгала по его лицу и нарисовала две морщинки между бровями.

— Это самая большая глупость, которую мне доводилось читать за последние годы, — сказал он.

— Ну, наверное не совсем глупость, но скорее хитрая злоба, — ответил настоятель. — Повсюду ложь и полуправда.

— Вы думаете, сэр, что кафедральный капитул уделит внимание такому документу, как этот?

— Боюсь, что да. Судьба таких доносов зависит не столько от того, что в них написано, но скорее от того, кто это подписал. Если капитан Крефелдт и фон Рейхер оба подписали это, кафедральный капитул вряд ли просто выбросит это его в корзину. Их судьба также зависит от того, какие свидетели это подтверждают. И здесь у тебя самый важный свидетель, — он передал викарию письмо от его брата священника.

Две морщины на лбу викария углубились и превратились в тёмный клубок гнева.

— Это бесчестно, — воскликнул он. — Разве у пастора нет права собрать людей из своей собственной общины для молитвы и пропо-

веди Слова? Неужели Варбек ожидает, что Андрес в Дрянгсмаркене не впустит в дом своего шурина из Равелунды, пока я буду там, чтобы тот не слышал меня? Неужели церковь должна быть собранием общины, где грешников называют «добрыми фермерами» только потому, что они платят свои налоги и ходят в церковь? Может ли церковь Христова начать судить души по их общественному положению, а не по закону Божьему?

Настоятель пристально посмотрел на своего викария.

— Тебе всё ещё следует кое в чём научиться смирению, сын мой, — сказал он. — Они судят тебя *не за это*. Если мои догадки верны, гораздо большая проблема в одежде, кружевах и ювелирных украшениях. Евангелическое вероисповедание рассматривает такие вещи как адиафору, но ты иногда делаешь из них заповеди и связываешь людей сильнее, чем это делает Слово Божие.

— Но разве Слово Божие не на моей стороне? — отрезал Савоний.

— Есть кое-какое несогласие в этом вопросе, как ты хорошо знаешь. И здесь против тебя и Лютер, и Меланхтон, и в целом евангелическое христианство.

— Это неправда. Ведь Франке и Марбек тоже евангелисты.

— Они законники, и, как ты видишь, они тоже говорят о делах праведности. Но это прямо противоречит самому сердцу свободы христианина. Такие вещи приводят только к отчаянию совести — или к самоправедности.

В этот момент появилась Хедвига с двумя чашками кофе на подносе. Савоний всё ещё настаивал на своём. Он только сейчас заметил, что она снова надела золотую брошь на её привычное место. Кровь застыла в его жилах. Значит — и она тоже! Даже здесь все против него! Ну что ж, больше он не отступит ни на дюйм!

— Что касается украшений, — грубо отметил он, — Писание прямо говорит, что внешним украшением женщины должно быть не плетение волос, не золотые уборы или нарядные одежды, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа.

Настоятель хитро улыбнулся.

— И поэтому ты хочешь запретить моей маленькой Еве-Лотте заплетать волосы? Или ты намереваешься попросить всех женщин в Сёрбигдене больше не делать причёсок?

Савоний был поражён словами настоятеля. Он никогда не думал раньше о заплетённых волосах в этом свете. Если женщинам нельзя заплетать волосы, как же тогда они будут носить их?

— Посмотри внимательнее на контекст этого отрывка из Первого Петра, — продолжил настоятель, — и ты увидишь, что он говорит о том, каким образом женщинам нужно пытаться приобрести своих неверующих мужей. Им всего лишь сказано не обращаться для этого к внешней эффектности и кокетству, потому что так нельзя никого обратить. Но скорее им следует явить тихую и честную набожность, которая побеждает души без всяких слов. Ты должен помнить, Хенрик, что всякий, кто зависит от дел закона, находится под осуждением. Помни также, что ничего нельзя отвергать, что принимается с благодарением. Апостол говорит, что это хорошо.

— Но ведь так можно оправдать почти любое мирское увлечение, — сказал Савоний. — Слава Богу за бифштекс, слава Богу за выпивку; ешь, пей и веселись! А потом мы лечим их пьянство и язвы каплями крови искупления! Я не могу принять такое учение.

— Ты сможешь лучше это понять, когда сам попробуешь исцелить свою плоть с помощью самоумерщвления и самопожертвования, — холодно заметил настоятель. — Доброй ночи, Хедвига. Спи спокойно, дитя моё, и не забудь поблагодарить Бога за хорошую маму, когда будешь снимать её брошь.

— А теперь, Хенрик, давай поговорим об этом серьёзно. Капитан и его друзья предъявили нам ультиматум. Либо ты покинешь Одесью до первого Мая, либо эти документы будут посланы кафедральному капитулу. Так обстоят дела. Я обещал дать им ответ завтра утром. Что скажешь?

— А что вы скажете, сэр?

— Я уже дал свой ответ. Хотя я сожалею о некоторых грубых ошибках, в которых виновен мой викарий, я не желаю избавляться от него, если только он сам не захочет уехать. А потому ответ зависит от тебя. Ты можешь думать об этом до завтра. Это также затронет и твоё будущее. Если ты выберешь уехать, я всего лишь напишу капитулу, что вплоть до дальнейших просьб я намерен служить один, без помощника, и в этом случае тебя без всяких хлопот куда-нибудь переведут.

Савоний рассеянно смотрел перед собой. Морщины на его лбу разгладились и сменились благодарным спокойствием, а на его губах

даже появился намёк на улыбку. Он представлял себе грубых крестьян из Дрянгсмаркена, и запах от их сырых одежд, кажется, вновь проникал в его ноздри; он слышал снова их голоса, говорящие с детской наивностью: «Пастор, вы обещаете, что не покинете нас?» Да, он пообещал остаться. По Божьему провидению его заставили дать такое обещание за несколько часов до того, как он напрямую столкнулся с этим решением. И теперь у него просто не было выбора.

— Спасибо вам, сэр, — сказал он. — Я думаю, что смогу дать ответ прямо сейчас. Если вы позволите, Я останусь здесь.

— Конечно, оставайся, — сказал настоятель, — даже несмотря на то, что я порой думаю, что ты послан, чтобы испытывать меня. Но я хочу, чтобы ты помнил, Хенрик: раз уж ты выбрал сражаться, ты не защищён от ответных атак, а в твоих доспехах зияют большие дыры.

— Я не боюсь, — ответил Савоний. Покуда больше настоятелю было нечего сказать, он кратко пожелал спокойной ночи, вышел через прихожую и был уже на полпути через сад к другому крылу. Затем, уже переступив одной ногой через порог, он обернулся.

— Я хочу ещё сказать, сэр, что если кафедральный капитул встанет на сторону атеистов, пьяниц, богохульников и эксплуататоров бедных фермеров, и против тех, кто стремится приобрести потерянных для Бога, тогда капитул станет обителью зла, и в этом случае мне придётся покинуть служение. Спокойной ночи!

Настоятель уныло сел за стол. Он вертел в руках медный нож для бумаги и задумчиво чесал им голову под париком. Затем он отбросил нож, сложил руки и низко-низко склонил голову над столом.